
ЗОЛОТЫЕ
НИТИ
БЕЗДНЫ
Мари Люброн
18+

Мари Люброн

Золоты нити Бездны

«Автор»
2026

Люброн М.

Золоты нити Бездны / М. Люброн — «Автор», 2026

В договоре купли-продажи ничего не говорилось о демоне. Аля проверяла.В тридцать восемь она купила старый дом во Франции и приготовилась пережить ремонт. Но по ночам кто-то забирается в её постель, за закрытыми дверями звучат чужие голоса, а сны становятся слишком откровенными, чтобы спокойно пить утренний кофе.Демон, запертый в доме, привык получать желаемое. Аля не собирается становиться чьей-то собственностью. Только отстаивать свои границы трудно, когда хочется прикоснуться к тому, от кого следовало бы бежать.Вскоре выяснится: за пределами дома её ждут опасности, перед которыми ночные гости покажутся мелкой неприятностью. В Бездне клятвы обладают настоящей властью, а любовь легко становится поводом объявить женщину своей.Пока могущественные демоны решают, кому она должна принадлежать, Аля намерена выяснить, с чего они взяли, что последнее слово останется за ними.

© Люброн М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

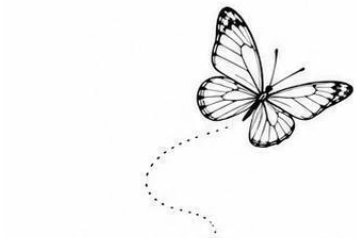
Глава 1 7
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 25
Глава 5 31
Глава 6 39
Глава 7 44
Глава 8 52
Глава 9 60
Глава 10 67
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Мари Люброн
Золоты нити Бездны

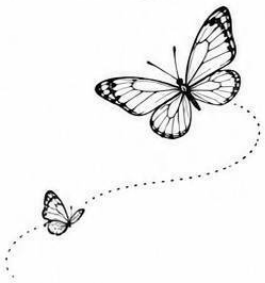
Мари Люброн
Золотые нити Бездны

© 2026 Мари Люброн
Все права защищены.

Новая редакция, 2026.

Свобода начинается там,
где даже любовь
перестаёт быть приказом.

Глава 1
Дом с характером

Але снилось, что на неё кто-то забрался.

Она пыталась оттолкнуть незнакомца, но руки не слушались. Тело стало тяжёлым и чужим, словно всё ещё лежало в постели, пока она сама провалилась куда-то глубже. Чужой вес прижимал её к матрасу. У самого лица чувствовалось горячее дыхание.

А потом её укусили за палец.

Боль оказалась такой резкой, что Аля проснулась.

Несколько секунд она лежала с открытыми глазами, пытаясь понять, где находится. Когда в темноте проступили шкаф напротив, край комода и занавески, Аля узнала свою спальню в доме, который купила во Франции всего две недели назад. Рядом никого не было.

Она втянула воздух, но выдохнуть не успела: матрас качнулся и медленно выровнялся у бедра, будто кто-то только что поднялся с кровати. Из-под кровати донёсся шорох.

Аля замерла, боясь повернуть голову или опустить ноги на пол. Хомяк в клетке вдруг заверещал так, словно к нему без приглашения заглянул граф Дракула и потребовал освободить жилплощадь.

— Твою мать…

Она нащупала выключатель прикроватной лампы и ударила по нему ладонью. Свет заставил зажмуриться. Когда Аля снова открыла глаза, в спальне всё было по-прежнему: шкаф закрыт, одежда лежит на стуле, у двери стоят тапочки. Только хомяк забился в дальний угол клетки и замер так, что ей захотелось снова услышать его вопли.

Аля отодвинула одеяло и посмотрела вниз. Между кроватью и полом оставалась узкая тёмная щель; чтобы заглянуть туда, пришлось бы свеситься с матраса почти до пола. Нет уж, следствие подождёт до утра.

На электронных часах светилось 3:15.

— Какая жуть, — пробормотала она, потирая большой палец.

Палец всё ещё болел после укуса, но рассматривать его сейчас не хотелось: если обнаружится след, придётся что-то делать. Аля прислушалась, однако больше не услышала ни шагов, ни дыхания. Хомяк тоже затих.

Наверное, ей приснился обычный кошмар: она дёрнулась спросонья, матрас качнулся, а зверёк перепугался хозяйки. Аля решила удовольствоваться этим объяснением, поскольку другого у неё не было.

Оставив лампу включённой, она легла и натянула одеяло до подбородка, прибегнув к универсальной защите от нечисти, одобренной всеми детьми мира. В тридцать восемь лет можно было бы изобрести что-нибудь посерьёзнее, но в четверть четвёртого утра хотелось воспользоваться проверенным средством. Она следила за дверью, пока веки не начали слипаться.

Утром её разбудил солнечный луч, пробившийся между шторами. Аля выключила оставленную на ночь лампу и прислушалась к хрусту из клетки: хомяк сидел у входа в свой домик и завтракал как ни в чём не бывало.

— Мог бы хотя бы из солидарности выглядеть испуганным, предатель.

Она осмотрела большой палец, но не нашла ни царапины, ни покраснения. Надо меньше читать на ночь: после вчерашней беготни с коробками, в новой постели и среди ремонта могло присниться что угодно.

Аля встала и, прежде чем пойти за тапочками, всё-таки наклонилась к кровати. Под ней были только пыль и ножка у изголовья. Она выпрямилась с таким облегчением, будто получила официальное заключение об отсутствии потусторонних жильцов.

Сегодня ей было не до мистики. В десять утра её ждали в мэрии: предстояло подписать очередную кипу бумаг. Вместе со старым домом во французской провинции она, похоже, приобрела пожизненную подписку на местную бюрократию.

Дом находился в исторической части городка. Приходилось беречь облик фасада, согласовывать окна, осторожно обращаться с крышей. Аля уже выучила выражение «реставрационный проект» и начинала подозревать, что вскоре будет произносить его во сне.

После душа и крепкого кофе она оделась, взяла папку с документами и сумку с ключами от машины. В прихожей зачем-то обернулась. Утренний свет лежал на старом полу, наверху было тихо.

— Я скоро вернусь, — вырвалось у неё.

Она всего две недели владела домом, а уже отчитывалась перед пустыми стенами, словно обзавелась семьёй. Аля закрыла за собой дверь и поспешила к машине.

В мэрии её встретила женщина лет пятидесяти с аккуратной короткой стрижкой. На столе лежала стопка документов, толщины которой хватило бы для реставрации небольшой крепости.

— Мадам Аля? Проходите, присаживайтесь. По вашему объекту всё в порядке. Осталось подтвердить, что вы будете соблюдать условия проекта, и можно приступать к согласованному этапу работ.

— Условия я уже выучила: фасад не менять, окна в первоначальном стиле, крышу по своему вкусу не переделывать, — сказала Аля, садясь напротив.

— И никаких современных пристроек, даже если вам очень захочется.

— А если очень-очень захочется, к кому приходить уговаривать?

На строгом лице мелькнула улыбка.

— Приходить придётся ко мне, но сначала давайте разберёмся с тем, что уже согласовано.

— Тогда показывайте, где подписывать, пока я ничего лишнего не придумала.

Чиновница протянула документы. Аля прочла отмеченные места и принялась ставить подписи. За окном разговаривали люди, со стороны площади слышались машины, и в этом обычном утреннем шуме ночная возня под кроватью казалась нелепицей.

— Вы планируете жить в доме во время ремонта? — спросила женщина.

— Уже перебралась, иначе замучаюсь ездить к рабочим.

— И будете там одна? — Чиновница подняла глаза. — Вы уверены, что вам будет удобно жить одной среди ремонта?

— Мне тридцать восемь, я не замужем, детей нет. Некому уверять меня, что я сошла с ума, и умолять немедленно всё продать.

Женщина тихо рассмеялась, но к документам не вернулась.

— Тогда учтите: дом очень старый, за время его существования сменились владельцы, многое перестраивали. Некоторые помещения не использовались десятилетиями.

Аля перестала улыбаться. До этой минуты она была уверена, что самая страшная тайна дома заключалась в окончательной стоимости ремонта.

— Почему ими не пользовались? С помещениями что-то не так?

— Некоторые предыдущие владельцы не доводили реставрацию до конца. Вам лучше заглянуть в муниципальный архив, там сохранились старые документы.

— Денег не хватало или дело в самом доме?

Чиновница сняла очки, но отвечать не стала.

— Хорошо, загляну в архив, — сказала Аля и поставила последнюю подпись.

Она забрала свой экземпляр документов и поднялась. У двери её снова окликнули:

— Мадам Аля, если решите делать ремонт в подвале, обязательно предупредите нас заранее. Особенно если наткнётесь на старую кладку или замурованные помещения.

— Замурованные помещения? Вы знаете, что они там есть?

Женщина надела очки и придвинула следующую папку.

— Хорошего дня, мадам.

Аля вышла из кабинета, жалея, что узнала о брошенных ремонтах и замурованных помещениях уже после того, как заплатила за дом и перенесла туда зубную щётку. Впрочем, ничего невероятного ей не сообщили: старые здания перестраивали, проходы закладывали, владельцы менялись. Учитывая местную любовь к согласованиям, стоило радоваться, что открывать форточки пока разрешали без письменного заявления. Архив никуда не денется; сначала нужно разобраться с рабочими и счетами.

По дороге она заехала в булочную за свежим багетом, кофе и двумя пирожными. После общения с мэрией полагалась компенсация. Возможно, так люди и разорялись на реставрации — просто никто не включал моральную поддержку выпечкой в предварительную смету.

Минут через двадцать Аля свернула к своему участку. У дома кипела работа: бригада собирала леса, разгружала инструменты, готовила фасад. Возле входа выстроились вёдра, мешки и свёрнутые защитные полотнища. К двери пришлось пробираться боком, прижимая к груди покупки.

— Доброе утро! — крикнули из коридора.

— Доброе утро! — отозвалась Аля.

Она поставила пакет и стакан с кофе на относительно чистый стол. Тут же подошли прораб и архитектор. Вместе они сверились с чертежами и счетами, уточнили порядок работ. Аля передала бумаги из мэрии: всё было согласовано, можно продолжать.

Переклички рабочих, стук металла и шаги успокаивали. У каждого звука имелась причина и человек, которому при необходимости можно было высказать претензии. Ночью с этим возникали некоторые затруднения.

Аля ушла в ванную смыть с рук пыль. На выходе краем глаза заметила, как что-то тёмное метнулось в коридоре от одной двери к другой, и остановилась, приняв мелькнувшую тень за кошку. Но откуда здесь кошка? Из домашних животных у неё был только хомяк-предатель, и тот для такого забега должен был сначала вырасти раз в двадцать.

В дальнем конце коридора двое рабочих несли стремянку; кроме них, Аля никого не увидела. Наверное, ей показалось: люди ходили туда-сюда, свет менялся, а после такой ночи мозг мог дорисовать и кошку, и небольшого пони. Главное — не начинать кормить видения.

Она вернулась в спальню за клеткой и перенесла хомяка на кухню, подальше от участка, где сегодня должны были шуметь. Проверила, устойчиво ли стоит клетка, хватает ли воды и корма. Зверёк высунул нос из домика, обнюхал воздух и спрятался обратно.

— Придётся тебе пожить здесь. Жалобную книгу выдаём по пятницам.

Остаток дня Аля провела за ноутбуком, отвлекаясь на вопросы рабочих. Удалённую работу никто не отменял: ремонт требовал денег, а заказчиков мало интересовало, насколько живописно осыпается у неё штукатурка.

К вечеру глаза резало от экрана. Последний мастер ушёл, и наступившей тишине Аля почти обрадовалась. Она заперла дверь, наспех поела и отправилась в спальню, решив обойтись сегодня без чтения и размышлений о подвале. Оставалось надеяться, что ночные гости тоже оставят её в покое.

Едва голова коснулась подушки, усталость взяла своё.

На этот раз ей снился мужчина.

Незнакомец, но во сне его близость казалась естественной. Между ними возникло горячее, лишающее рассудка напряжение. Аля ощущала его тяжесть над собой. Когда его напряжённая плоть прижалась к тонкой ткани её трусиков, желание захлестнуло её, и она сама начала умолять его не медлить и наконец войти в неё.

В эту секунду сон оборвался.

Аля открыла глаза.

Ощущение чужого веса исчезало слишком медленно. Матрас прогнулся сбоку, у самого края, словно мужчина соскользнул с неё и собирался встать.

Она не успела даже приподняться, когда в окно резко ударили. Аля вздрогнула всем телом и поначалу решила, что стекло задела ветка, но возле спальни не росло ни одного дерева, а окно находилось на втором этаже. Оставалось предположить, что что-нибудь сорвало ветром.

Она затаила дыхание, ожидая нового стука или хотя бы дребезжания ставней. Снаружи было тихо. Аля села, прижала одеяло к груди и посмотрела на занавески. Предыдущей ночью матрас тоже качнулся после пробуждения, но тогда она сумела убедить себя, что сама дёрнулась.

Нужно подойти к окну, раздвинуть шторы и посмотреть вниз. Вместо этого она с трудом заставила себя протянуть руку к выключателю. При свете лампы спальня снова стала узнаваемой, но спокойнее не стало.

— Теперь ещё и в окна стучат, — прошептала Аля. — Мне тут хоть одну ночь дадут поспать?

Несколько минут она следила за занавесками и вслушивалась в дом, стараясь дышать тише. Стук не повторился. Постепенно затекла спина, сердце перестало колотиться, и страх начал уступать усталости. Ремонт, недосып, случайный звук — всё это можно было объяснить, пока не вспоминался чужой вес на матрасе.

Аля легла, оставив свет включённым, и повернулась лицом к двери. Она собиралась ещё немного прислушаться к дому, чтобы не пропустить новый стук, но заснула, так и не решив, что будет делать, если он повторится.

Утром её разбудил приезд рабочих. Аля спустилась, отперла входную дверь и вернулась наверх, в ванную. Хотелось смыть с себя эту ночь. Под горячими струями она понемногу пришла в себя и перестала вздрагивать от каждого звука. Внизу уже переговаривались мастера, стучали инструменты. Дом снова был полон людей.

Аля завернулась в полотенце, подошла к зеркалу и провела ладонью по запотевшему стеклу. За её плечом мелькнула тёмная фигура, и она резко обернулась, едва не поскользнувшись.

— Да что это, блядь, такое?!

Ванная была пуста. За открытой дверью виднелся освещённый утренним солнцем коридор. Аля осталась стоять, прижимая к груди полотенце. На этот раз она видела слишком отчётливо: не успела разглядеть лицо или одежду, но кто-то стоял прямо за ней, достаточно близко, чтобы коснуться плеча.

— Да ну нахрен… — выдохнула Аля и медленно повернулась к зеркалу. Теперь там отражалась только она сама — с мокрыми волосами, побелевшими губами и испуганными глазами. Ещё вчера она разговаривала с архитектором, разбиралась со счетами, а теперь боялась моргнуть, чтобы не пропустить чужое отражение.

— Пошло оно всё к чёрту.

И тут вспомнилась бабушка. Если привиделось что-то нехорошее, не стой и не жди, чего оно от тебя захочет. Пошли его к чёрту — громко, от души. Пока не боишься, ничего с тобой не случится.

Когда-то Аля смеялась над такими наставлениями. Сейчас они показались полезнее всех ночных рассуждений о переутомлении. Она расправила плечи и посмотрела в зеркало.

— Ну и пошёл ты к чёрту!

На этот раз получилось громко. Снизу по-прежнему доносился рабочий шум, в зеркале отражалась только она сама. Але стало немного легче. По крайней мере, собственный голос ей подчинялся.

Во всю эту чертовщину Аля, конечно, не верила, но после двух ночей в новом доме уже не могла утверждать это с прежней уверенностью.

Глава 2
Посторонние

Одевшись, Аля решила осмотреть комнаты верхнего этажа, разобраться с оставшимися после переезда коробками и заглянуть на чердак. Если бояться каждого поворота в собственном доме, вскоре придётся поселиться на кухне вместе с хомяком. И ещё неизвестно, согласится ли тот потесниться.

Она убрала волосы, сунула телефон в карман и вышла из спальни. Снизу доносились голоса мастеров, смех и звяканье инструментов. При дневном свете, когда в доме столько людей, можно осмотреть своё имущество и без экзорциста.

В конце коридора короткая лестница вела к тяжёлой деревянной двери под скатом крыши. Аля поднялась и уже протянула руку к ручке, когда услышала за дверью ссору.

Спорили мужчина и женщина. Она говорила быстро, резко, то повышая голос почти до визга, то переходя на шёпот. Он отвечал реже, но после каждой его реплики женщина заводилась ещё сильнее.

Может, там был кто-то из бригады? Но женских голосов внизу Аля сегодня не слышала, да и работать на чердаке пока не собирались. Она приложила ухо к двери.

— …ты не имел права!

— Я? Да это ты…

Дальше французские слова перемешались с незнакомыми. Среди ругани прозвучало отчётливое русское выражение, а следующая фраза вообще ни на что знакомое не походила: резкие звуки, длинное слово со множеством согласных. Так мог бы ругаться человек, которому подсунули средневековый молитвенник вместо инструкции по сборке шкафа.

Неужели они ругаются на латыни? Или изгоняют друг друга на скорость?

Женщина снова повысила голос. Мужчина ответил так низко и резко, что дерево завибрировало у Али под щекой. Она отступила, но испуг тут же сменился злостью. Это её дом, купленный за её деньги. Внизу работают нанятые ею люди, на кухне лежат счета, от которых хочется выть, а неизвестная парочка устроила семейный скандал и заставляет хозяйку ждать снаружи.

— Вы вообще ошалели тут?! — Аля потянула дверь на себя.

Последнее слово прозвучало уже в тишине: чердак был пуст. Под крышей темнели толстые балки, солнечный свет из маленького окна высвечивал пыль. Вдоль стены стояли коробки, рядом лежали доски. В углу свисала паутина, настолько нетронутая, что даже паук, вероятно, покинул недвижимость задолго до смены владельца.

— Очень смешно, — пробормотала Аля, оглядев чердак с порога и заглянув за дверь.

Она вошла, обошла коробки, проверила пространство за прислонёнными к стене досками. Здесь негде было спрятаться двум взрослым людям. Другой двери здесь не было, маленькое окно оставалось закрытым, а мимо неё никто не проходил.

Может, разговор донёсся с улицы или снизу, по старым перекрытиям? Она слышала, что старинные дома странно разносят звук. Только почему это замечательное эхо оборвалось, едва она открыла дверь?

— Да ну нахрен…

Снизу стукнули и окликнули кого-то из рабочих. Этот голос звучал иначе — далеко, глухо. Аля оглянулась на выход: до лестницы оставалось несколько шагов. Можно было спуститься, налить кофе и больше сюда не заглядывать. Она ведь уже доказала себе, что не боится собственного имущества.

— Если вы ещё здесь — валите нахрен отсюда!

Она даже не знала, к кому обращается: к незваным гостям, призракам или собственному разуму, решившему уволиться без предупреждения. Ответа не последовало. Аля уже собралась уходить, когда над головой зашептали.

Сначала звук шёл из-под ската крыши, потом будто от стены слева. Мужчина перебивал женщину, та отвечала быстро, раздражённо. Аля повернулась — шёпот словно переместился вместе с ней. Невозможно было понять, где стоят собеседники, хотя разговор она слышала отчётливо.

— Вы… вы серьёзно сейчас?

Они продолжали спорить, будто это она без приглашения зашла в чужую гостиную и мешала хозяевам выяснять отношения.

— Эй, любители интриг, хватит шептаться! Я вообще-то всё слышу!

Тишина наступила так резко, что заложило уши. Аля замерла. До сих пор злость удерживала её на месте; теперь под рёбрами стянулось от мысли, что они услышали её и потому замолчали.

— Вот именно. Вы где спрятались? Вылезайте и валите из моего дома со своими семейными драмами. Я сейчас жандармерию вызову, вас отсюда быстро выселят!

Она нащупала телефон в кармане. Что сказать дежурному? Здравствуйте, у меня на чердаке двое невидимых граждан. Документы не предъявляют, на замечания не реагируют. Прошу прислать наряд и, если можно, кого-нибудь с кадилом.

Аля нервно усмехнулась, и прямо возле её уха женщина тихо, почти доверительно прошептала несколько незнакомых слов.

Она отшатнулась и развернулась так резко, что заболела шея. За спиной никого не было. Но ощущение чужой близости осталось: женщина словно наклонилась к ней, чтобы сообщить маленький секрет. От этой непринуждённости стало особенно страшно.

Аля отступила к двери, не сводя глаз с пустого места возле балки.

— Всё, Алька, комедия окончена. Тебе пора лечить нервы и высыпаться. — У порога она добавила: — И вам не помешало бы, кем бы вы там, блядь, ни были.

Она осторожно прикрыла дверь, почему-то не решившись хлопнуть ею. На середине лестницы обернулась: дверь оставалась закрытой, за ней было тихо. Теперь это ничего не доказывало.

— Господи, да что со мной происходит…

Аля сбежала на первый этаж и едва не столкнулась с рабочим, нёсшим свёрнутую плёнку. Пропуская его, она пробормотала извинение. Пахло древесиной, влажной штукатуркой и кофе. На полу тянулись пыльные следы самых обычных ботинок. Она посмотрела на них с такой благодарностью, будто это было лучшее, что она видела за последние дни.

На кухне Аля включила чайник. Только здесь она заметила, как свело плечи; шея болела, пальцы дрожали. Из клетки донеслось шуршание.

— Не начинай, — попросила она хомяка. — Хотя бы ты сегодня веди себя как нормальное животное.

Когда вода закипела, Аля налила её в кружку и подождала, пока сможет сделать глоток, не обжигаясь. Вчерашняя чиновница советовала архив. Старые планы, история переделок, имена владельцев — теперь рекомендация не казалась праздным разговором. Если с домом что-то не так, лучше узнать об этом по документам, а не из шёпота над ухом.

Она достала телефон и записала: «Архив. История дома. Старые планы». Несколько слов на экране немного привели мысли в порядок. Появилось дело, которое можно выполнить днём, среди людей.

— По крайней мере до вечера я обойдусь без призраков и психушек.

День пришлось прожить почти как обычный: отвечать на сообщения, открывать рабочие файлы, дважды обсуждать с прорабом то, что они уже обсудили накануне. Аля ловила себя на том, что следит за лестницей, и возвращалась к ноутбуку, а наверх больше не поднималась.

К вечеру мастера стали собирать инструменты. Последнего Аля проводила до двери и задержалась на пороге, глядя, как он убирает вещи в машину. Совсем не хотелось, чтобы шум двигателя затих за поворотом.

— До завтра, мадам!

— До завтра.

Когда она заперла дверь, дом затих: никто не перекликался, не ходил по коридору, не двигал стремянку. За день Аля успела привыкнуть к чужим шагам.

— Ну вот, теперь мы снова одни. — Она покосилась на лестницу. — В смысле — я и хомяк.

На кухне зашуршала подстилка, и Аля повернулась на звук.

— Да-да, я про тебя говорю, мой пушистый соучастник.

Одному совладельцу дома достались юридическая ответственность, счета и нервное расстройство, а второму — опилки, корм и полная уверенность, что мир ему что-то должен.

Аля включила свет на кухне и достала оставшийся со вчера багет. Хотелось поесть, смыть строительную пыль и лечь, а проснуться уже в доме, где закончили ремонт и выселили всех, кого не было в договоре купли-продажи.

Телефон зазвонил, когда она потянулась за ножом. На экране появилось имя Лины.

— Как же ты вовремя позвонила! — Аля включила громкую связь и положила телефон на стол.

— Ну что, новоиспечённая владелица французского замка, ты там ещё жива? — раздался знакомый голос. — Как тебе жизнь во французской провинции?

— Я в полном восторге: вчера был поединок с местной бюрократией, сегодня — осада стройбригады. А прямо сейчас я собираюсь беспощадно расправиться с багетом.

— Значит, ещё не пожалела, что купила эту историческую развалину?

Аля смахнула в мусор кусочек осыпавшейся на столешницу штукатурки.

— Попрошу! Это аутентичная недвижимость с колоссальным потенциалом.

— И сколько тысяч евро уже ухнуло в твой потенциал?

— Давай без провокаций, а то я ещё начну подсчитывать.

— Я просто проявляю дружескую заботу.

— Знаю я твою заботу. У меня уже иммунитет к этим подколам.

Они засмеялись. Аля приготовила кофе и села за стол; напряжение в плечах понемногу отпускало.

— А если серьёзно, — спросила Лина, — тебе не жутко ночевать там совсем одной?

Аля посмотрела на дверной проём. Перед глазами возникли пустой чердак, фигура в зеркале, тёмное окно спальни, в которое кто-то ударил среди ночи.

— Да нет, всё в порядке.

— Аль, у тебя голос изменился. Что случилось?

Она могла бы рассказать: в доме кто-то разговаривает, только она никого не видит. И по ночам на кровать кто-то забирается. Аля представила тишину на другом конце связи, осторожные вопросы о сне, совет немедленно уехать. Лина испугается, и тогда придётся объяснять, почему сама она всё ещё сидит здесь с кофе и багетом.

— Просто дом старый. Дерево усыхает, всё подряд скрипит и вздыхает.

— Ты смотри, чтобы ночью призраки прежних хозяев не пожаловали.

— Если придут, предъявлю счёт за аренду и всучу ведро со шпаклёвкой. А то жить они здесь любят, а реставрировать должна я.

Лина рассмеялась. Аля тоже улыбнулась, продолжая поглядывать на дверной проём.

— Ты хоть высыпаться успеваешь?

— Не всегда получается, зато здесь хороший кофе и вкусные пирожные.

— Кофе не считается, Алька. Ты себя совсем загоняешь.

— Я тебя поняла: буду есть, спать и не разговаривать с подозрительными покойниками. Стану образцовой домовладелицей.

Постепенно разговор ушёл к обычным новостям. Лина рассказывала о знакомых, жаловалась на мелочи, спрашивала о планах. Аля отвечала, смеялась, отламывала багет. Голос подруги заполнял кухню, и она перестала прислушиваться к звукам за дверью.

Когда они попрощались, за окнами уже стемнело. Аля убрала чашку в раковину, сунула телефон в карман, проверила входную дверь и, оставив свет в прихожей, поднялась наверх.

До спальни оставалось несколько шагов, когда с чердака донёсся тихий женский смех с ленивыми переливами. Аля узнала голос, который звучал утром возле её уха.

Аля посмотрела на верхние ступени: дверь была закрыта, но смех повторился и прозвучал чуть громче.

— Я туда больше не пойду, — прошептала она.

Руки похолодели. Хотелось вернуться на кухню, снова позвонить Лине и разговаривать до утра. Но спальня была рядом, а к чердачной двери она больше не поднимется.

— Мне вообще по барабану, кто там устроил вечеринку.

Аля повернулась к спальне и сделала два шага, когда заговорил мужчина. Приглушённый низкий голос звучал достаточно близко, чтобы она остановилась. Женщина недовольно ответила; слов Аля не разобрала.

— Она нас слышит, — произнёс мужчина на чистом русском.

Аля затаила дыхание: он сказал это спокойно, словно обнаружил незапертую дверь.

— Почему? — спросила женщина с явным удивлением.

Аля рванулась в спальню, захлопнула дверь и повернула ключ. Пальцы соскальзывали; она стиснула металлическую головку обеими руками и только после повторной попытки поняла, что замок уже закрыт.

За дверью было тихо, и Аля понимала, насколько нелепо надеяться на замок. Разве он остановит женщину, которая шептала ей на ухо посреди пустого чердака, или мужчину, исчезнувшего оттуда без следа? Две ночи подряд матрас прогибался под чужим весом без всякого уважения к законам физики.

— Заткнись, — сказала Аля собственным мыслям.

Она включила прикроватную лампу, оставила одежду на стуле и забралась под одеяло, затем открыла переписку с Линой. Обычные сообщения — планы, мелочи, смешные ответы — выглядели почти издевательски. Как перейти от этого к невидимым жильцам?

Аля набрала: «Ты ещё не спишь?» — и стёрла сообщение. Лина предложит уехать, переночевать в другом месте. Тогда придётся встать, отпереть дверь и пройти через коридор под тем самым чердаком.

Лучше дождаться утра, а потом решить, что делать дальше. С этой мыслью она положила телефон рядом с подушкой, экраном вниз, и подтянула одеяло. Ноги не согревались. Аля вслушивалась в скрип дерева, шум проехавшей снаружи машины, редкие щелчки внизу. Голосов больше не было.

Аля долго лежала при свете лампы, прежде чем решилась её погасить. Через неплотно сдвинутые шторы проникал слабый свет с улицы; можно было различить дверь, стул, собственную руку на одеяле. Постепенно мысли начали путаться. На секунду ей почудился голос Лины, но она поняла, что вспоминает разговор.

Она надеялась немного полежать с закрытыми глазами и не заснуть, но вдруг пружины скрипнули, а по матрасу прошла ощутимая волна, словно кто-то взобрался на постель. Аля распахнула глаза и увидела склонившегося над ней мужчину. Его широкие плечи заслоняли

слабый свет; лицо оставалось в темноте, но она различила жёсткий очерк челюсти и глаза, смотревшие прямо на неё. Он был так близко, что Аля открыла рот, собираясь закричать, однако вдох застрял в груди.

Силуэт растаял на том месте, где только что находился. Ещё мгновение назад Аля видела склонённую над ней фигуру, а теперь смотрела на шкаф. Она ударила по выключателю. Лампа осветила комнату, но мужчины уже не было. Аля отпрянула к изголовью, вжалась спиной в стену и подтянула колени к груди.

— Кто здесь?! — хрипло спросила она; горло пересохло так, что стало больно глотать.

Аля обвела взглядом комнату. Дверь оставалась запертой, ключ торчал в замке, а на стуле лежала одежда, которую она оставила вечером.

— Это вы были на чердаке? — спросила Аля громче.

Ответа она не дождалась, но всё ещё помнила его глаза — не цвет, а сам взгляд, направленный прямо на неё. Может, всё-таки успела заснуть? Аля зажмурилась и прижала ладони к коленям, стараясь выровнять дыхание. Она слышала, что после пробуждения человек иногда ещё видит приснившееся. Правда, тогда продолжением кошмара придётся считать и утренний чердак, и весь прошедший день с ремонтом и разговором с Линой.

— Ты слишком поспешил, слишком рано к ней подошёл, — прошелестел женский голос справа, возле самого уха. Аля замерла с закрытыми глазами.

Женщина говорила почти ласково, с лёгким вздохом, словно поправляла нетерпеливого собеседника, испортившего тщательно подготовленное дело. Аля повернула голову. Рядом были только стена, подушка и свет лампы на одеяле.

Если её крыша и уехала, то прихватила с собой попутчиков обоих полов, только усмехнуться этой мысли не получилось.

Аля потянулась к телефону, намереваясь хотя бы посмотреть на время, и вдруг почувствовала, что рука стала тяжёлой. Сон навалился сразу. Не та усталость, с которой она боролась несколько минут назад. Тогда можно было пошевелиться, открыть глаза шире, повернуться на другой бок. Теперь веки словно склеивались. Мысль о телефоне уходила куда-то вдаль, хотя он лежал совсем рядом. Нет. Только не сейчас. Она попробовала сесть ровнее, оторвать спину от стены. Не смогла. Пальцы сжали край простыни и разжались.

Аля понимала, что должна испугаться ещё сильнее. В комнате только что говорил невидимый человек, а она засыпает. Это неправильно. Нужно встать, включить верхний свет, позвонить… Она уже не помнила, кому собиралась звонить. Лампа расплылась в жёлтое пятно. Комната исчезла.

На этот раз Але снилась женщина. Она никогда не видела подобной красоты. Брюнетка с точёными чертами лица, длинными тёмными волосами, тяжёлыми волнами спадавшими на плечи. Тонкая талия, высокая грудь, плавный изгиб бёдер — Аля смотрела на неё, не в силах отвести взгляд.

Женщина стояла рядом. В её облике было что-то опасно притягательное. Аля ещё пыталась вспомнить, почему должна бояться, но страх отступал, уступая место оцепенению.

Незнакомка сделала шаг. Аля не шелохнулась. Остановившись вплотную, женщина внимательно посмотрела ей в глаза, словно читала открытую книгу. Затем наклонилась и накрыла её губы своими.

Поцелуй был глубоким, полным необузданной страсти. Аля подалась навстречу и ответила, сама не понимая почему.

Мысли исчезли. Сопротивляться этой завораживающей магии не хотелось. Напротив, хотелось, чтобы всё продолжалось.

Женщина придвинулась ещё ближе. Её руки легли Але на плечи, затем скользнули ниже. От прохладных пальцев по коже разбегались мурашки. Аля смотрела в тёмные глаза и теряла границу между сном и реальностью. Где она находится, уже почти не имело значения.

Незнакомка улыбнулась — мягко, ласково, хотя в улыбке оставалось что-то хищное. Когда её губы снова коснулись губ Али, та обвила руками её шею и притянула к себе. Всё происходило так естественно, будто они были знакомы вечность.

Женщина отстранилась на мгновение, провела пальцами по её щеке и прошептала:

— Ты такая красивая, когда перестаёшь бояться…

Аля хотела спросить, кто она. Почему приходит в её сны и что происходит в доме. Но вопросы исчезли, когда ладони незнакомки скользнули ниже, увлекая её за собой.

Прикосновения стали откровеннее. Женщина опустилась ниже, и, когда её губы и горячий влажный язык коснулись самого чувствительного места, Алю захлестнуло наслаждение. Каждое движение языка по клитору было точным, доводящим до безумия. Напряжение нарастало, дыхание перехватило, пальцы впились в простыню.

Оргазм накрыл её резкой волной, заставив всё тело затрепетать.

Аля проснулась от собственного стона. Несколько секунд лежала неподвижно. Потом открыла глаза и увидела знакомый потолок. В спальню проникал утренний свет. Прикроватная лампа всё ещё горела. Она выключила её и закрыла лицо ладонями.

— Ну всё с тобой понятно, Аля…

Тело помнило сон с такой ясностью, что смущение пришло раньше страха. Она перевернулась на спину и уставилась в потолок, пытаясь собрать мысли в хоть сколько-нибудь приличном порядке. Безуспешно.

Похоже, организм взбунтовался против смет, согласований и хозяйственных подвигов. Она живая женщина, а не пожизненный прораб при историческом памятнике, и секса у неё не было уже очень давно.

Стоило хотя бы иногда выходить из дома ради встречи с обычным, реальным, симпатичным мужчиной, а не только ради мэрии и очередной папки документов. Можно было бы выпить с ним кофе, поговорить и убедиться, что он не исчезает при включении лампы.

Последняя мысль вернула её к ночи. Ключ всё ещё торчал в замке, а слова женщины о том, что мужчина подошёл к ней слишком рано, никак не удавалось списать на красивый сон. Эти двое обсуждали её так, будто им достаточно договориться между собой, не спрашивая её.

Аля села и спустила ноги на пол. При солнечном свете это оказалось несложно. Домом всё-таки придётся заняться, независимо от того, что происходит в её личной жизни. Нельзя бесконечно объяснять одни события недосыпом, другие — слишком долгим воздержанием.

— Алька, тебе тридцать восемь, а не сто восемь, — пробормотала она с кривой усмешкой. — Может, завяжем с монашеским постригом?

И тут большой палец, за который её укусили в первую ночь, отозвался несколькими короткими пульсирующими толчками боли. Аля подняла ладонь, встала и подошла к окну. Поднеся палец к свету, она повернула его и провела по коже ногтем, но следа укуса так и не обнаружила. Палец продолжал ныть.

Глава 3
Живой мужчина

Аля в третий раз повернула большой палец к свету, пытаясь найти след укуса, и поняла, что ей нужно выйти из дома. Боль понемногу стихала, а она рисковала провести всё утро за разглядыванием собственной руки. В соседней комнате ждал ноутбук, внизу — очередные вопросы по ремонту, но оставаться при строительной бригаде в должности хозяйки, кассира и тревожного привидения она сегодня не собиралась.

Она взяла со стула одежду, быстро оделась и подняла лежавший у подушки телефон. Проверила сообщения, ответила на те, которые не могли ждать, и убрала его в карман. Затем повернула оставленный в замке ключ, вышла из спальни и спустилась на кухню, где хомяк деловито перебирал подстилку.

— Остаёшься за старшего, — сообщила ему Аля, проверяя поилку. — Недвижимость не продавай и посторонних не впускай, хотя с последним у нас уже имеются сложности.

Зверёк нырнул в домик, предоставив ей самой разбираться с кадровой политикой. Аля взяла сумку, отперла входную дверь и вышла. У машины она подставила лицо солнцу и только теперь заметила, что всё утро дышала вполсилы, словно боялась вместе с воздухом впустить в себя что-то ещё. Во дворе разговаривали рабочие: один придерживал длинную доску, другой указывал на фасад. Аля поздоровалась, предупредила, что вернётся позже, и села за руль.

Ей хотелось кофе в месте, где его приготовит незнакомый человек, и чужих разговоров, в которых не придётся сомневаться в существовании собеседников. Хотя бы на несколько часов можно было перестать быть женщиной из дома с говорящим чердаком.

Через полчаса Аля сидела у широкого окна небольшого кафе в историческом центре. Отсюда были видны улица, витрина соседнего магазина и люди, торопившиеся по своим делам. Официантка принесла эспрессо и пирожное с ягодами, которого в первоначальных планах не было. Аля собиралась выпить кофе, немного пройтись и вернуться к работе, но после пережитой ночи отказать себе в маленьком произведении кондитерского искусства показалось жестокостью. Пусть совесть лучше поищет мастера, который не увеличивает смету при каждом визите.

Край пирожного не поддался вилке. Аля придержала тарелку и надавила сильнее, стараясь при этом выглядеть женщиной, которая умеет изящно завтракать во французских кафе.

— Простите, здесь свободно?

Она подняла голову. Перед столиком стоял высокий подтянутый мужчина лет сорока, с тёмными волосами и аккуратной щетиной. Он держал чашку и смотрел на неё с открытой, чуть вопросительной улыбкой.

— Присаживайтесь, если вас не пугает моё соседство, — ответила Аля.

— Пока не пугает, но, пожалуй, стоит проверить.

Он сел и дал ей закончить поединок с десертом. Пока мужчина смотрел в окно, Аля успела допить кофе и несколько раз поймать его взгляд. На третий раз он улыбнулся уже откровенно, и она ответила тем же.

— Вы здесь путешествуете? — спросил он.

— Я недавно купила дом, к сожалению для моей нервной системы. Вы бы видели его до начала реставрации.

— А сейчас уже есть на что посмотреть?

— Сейчас я надеюсь дожить до окончания работ. Пока у меня есть счета и лёгкое желание придушить кого-нибудь рулеткой.

Мужчина с притворной осторожностью посмотрел на её сумку.

— Надеюсь, сегодня вы оставили рулетку дома?

— Можете пить кофе спокойно, сегодня я безоружна.

Он представился Жюльеном и рассказал, что живёт в двух кварталах и часто заходит сюда по утрам. Аля представилась, рассказала немного о доме и бесконечных согласованиях. Жюльен слушал, задавал вопросы, и за всё это время ни разу не объяснил, какую глупость она совершила и как следовало поступить на её месте. Уже за это редкое качество ему полагалась вторая чашка кофе.

Разговор шёл легко. Аля смотрела на его руки, замечала, как он слегка наклоняет голову, когда слушает, и получала удовольствие от его внимания. Мужчина ей нравился, и она не собиралась убеждать себя в обратном. В памяти некстати всплыло лицо ночной незнакомки, её тёмные глаза и собственное пробуждение. Похоже, организм окончательно отказался от монашеской жизни, даже не потрудившись согласовать реформу с хозяйкой. Сегодня Аля была не против.

Уже на улице Жюльен предложил показать ей город.

— Вы здесь недавно и наверняка ходили только по самым очевидным маршрутам. Если у вас осталось немного времени, я знаю несколько интересных мест.

— Предлагаете экскурсию по секретному городу? И сколько будет стоить ваше молчание, если я устану через десять минут?

— Мне хватит ещё одного кофе.

— Вы назначили разумную цену. Тогда я в вашем распоряжении.

Они свернули с центральной улицы в переулок и прошли под аркой. За ней оказался тихий двор с бельевыми верёвками между стенами и горшками с цветами у двери. На подоконнике грелся рыжий кот. Когда он поднял голову и лениво зевнул, Аля с неожиданным удовольствием посмотрела на него: вот уж в чьём существовании сомневаться не приходилось.

Жюльен показывал ей дома, мимо которых она уже успела пройти, ничего о них не зная. Он рассказывал увлечённо, останавливался возле старого наличника или надписи над входом, предлагал свернуть, если её что-нибудь заинтересовывало. Аля задавала вопросы и постепенно перестала следить за временем.

Возле приземистого каменного здания в тени плюща он остановился.

— Этот дом почти никто не замечает, а ему около трёхсот лет. По крайней мере, так здесь рассказывают, точную дату я не назову. Раньше тут был постоялый двор: внизу держали лошадей, наверху размещались люди.

Аля рассматривала потемневшую кладку. Когда-то в эти окна смотрели живые люди, ждали знакомого экипажа, сердились на шум снизу. Хозяева сменяли друг друга, а стены оставались.

— А теперь здание пустует?

— Теперь о нём почти забыли. Пойдём, я покажу, что ещё сохранилось.

Они обошли дом с торца. У стены стояла массивная каменная ёмкость, почти сросшаяся с кладкой. Жюльен объяснил, что это поилка для лошадей. Аля присела и провела пальцами по прохладному краю, стёртому так, будто его долго полировали. В углублении лежали сухие листья.

— Представляешь, сколько здесь народу прошло и сколько историй осталось у этих стен?

— Некоторые, наверное, лучше не знать.

Она подняла глаза. Жюльен улыбался, и Аля заставила себя ответить на улыбку. Он просто пошутил; не каждый разговор о старом доме обязан иметь отношение к её спальне.

— Ты знаешь историю каждого здания в городе? — спросила она, уже не возвращаясь к прежнему «вы».

— Конечно нет, но мне нравится их придумывать, — рассмеялся он.

— Надеюсь, поилка хотя бы настоящая? А я-то решила, что встретила серьёзного мужчину.

— Поилка настоящая, а серьёзным я умею быть, когда это действительно необходимо.

Он подошёл чуть ближе. Аля осталась на месте и посмотрела на него с улыбкой.

— Местную историю ты всё-таки не целиком сочинил?

— Не целиком, но проверять лучше по документам. Устные истории здесь любят улучшать при каждом пересказе.

Аля вспомнила заметку в телефоне.

— Мне в мэрии тоже посоветовали архив. Хочу узнать больше о своём доме, и не только из-за ремонта. Странное чувство: платишь за здание, а о людях, которые жили в нём до тебя, почти ничего не знаешь.

— Тогда тебе нужны старые планы и имена владельцев. Я могу показать, куда свернуть к мэрии, но за архивариуса работать не возьмусь.

— Значит, после поилки ты решил беречь репутацию?

— Пока ещё есть что беречь.

Аля рассмеялась, впервые за утро не чувствуя привычного напряжения в груди. В архив она сходит одна, с папкой и конкретными вопросами, а сейчас ей хотелось продолжить прогулку. Можно было послушать ещё несколько историй, даже если половина окажется выдумкой: здесь чужое воображение не пугало.

Они проходили мимо домов с заколоченными ставнями, заглядывали в проходы, которые казались тупиками и вдруг выводили на другую улицу. Жюльен рассказывал о прежних хозяевах и перестройках, то уверенно называя подробности, то улыбаясь так, что Аля уже понимала: сейчас он сочиняет. Она тоже рассказала о работе и о том, как однажды перестала просто рассматривать объявления и поняла, что действительно хочет купить этот дом.

— Что тебе в нём понравилось? — спросил Жюльен.

— Наверное, возможность сделать всё по-своему.

— Мэрия уже объяснила, насколько по-своему?

— Очень подробно. Моя свобода заканчивается там, где начинается исторический фасад.

— Зато внутри хозяйка ты.

— Именно на это я и рассчитывала, — ответила Аля. Ей очень хотелось, чтобы это было правдой.

К середине дня они проголодались и сели перекусить, затем снова пошли пешком. Аля проверила телефон, ответила на сообщение по работе и убрала его в карман. Ей больше не хотелось каждую минуту смотреть на экран. День проходил среди разговоров и прогулок, а не срочных дел и неприятных ожиданий.

Когда они вышли на маленькую площадь, между домами уже лежали длинные тени. Жюльен взглянул на часы и рассмеялся.

— Я ведь обещал только немного пройтись. Ты не жалеешь, что согласилась?

— Жалею только о том, что прогулка заканчивается.

Они повернули к центру. Аля ловила его взгляд, смеялась, иногда перебивала, а когда их руки соприкасались на ходу, ей хотелось продлить прикосновение. Возле машины Жюльен поблагодарил её за день и предложил как-нибудь повторить прогулку.

С какой стати откладывать до этого неопределённого «как-нибудь»? Аля провела с ним целый день и не устала от его общества. Ей не хотелось возвращаться в пустой дом и считать часы до утра. Она представила свою гостиную, бутылку вина и два бокала вместо одного, но следом вспомнила дверь на чердак, и улыбка ослабла.

Разумнее было бы договориться о новой встрече в кафе. Но тогда пришлось бы признать, что она боится впустить Жюльена в дом, потому что там действительно есть опасность. Аля пока не могла произнести этого даже про себя. С ним всё будет иначе: если она что-нибудь

услышит, рядом окажется человек, которого можно спросить, слышал ли он то же самое. Она понимала, что цепляется за его присутствие, но хотела его рядом не только поэтому.

— Жюльен, у меня дома есть отличная бутылка французского вина и совершенно плохой штопор.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Я правильно понял, что ты меня приглашаешь?

— Если ты не собираешься отказываться, садись в машину.

— От таких приглашений отказываются только сумасшедшие.

Аля открыла машину и впервые за эти дни почувствовала нетерпение при мысли о возвращении домой. По дороге Жюльен расспрашивал о ремонте, а она заранее предупреждала о пыли и инструментах. Получалось почти нормальное свидание, если не считать необходимости оговорить безопасность прохода к дивану.

К дому они вернулись под вечер, когда рабочие уже ушли. Во дворе было тихо, инструменты были собраны, проход к двери свободен. Жюльен с интересом посмотрел на окна.

— Дом впечатляет.

— Подожди оценивать, ты ещё смету не видел.

Он рассмеялся и вошёл следом за ней. В прихожей пахло старым деревом и штукатуркой, но теперь знакомый запах не вызывал желания скорее выйти наружу.

— Добро пожаловать. Если увидишь что-нибудь подозрительное, сначала уточни, не несущая ли это конструкция.

— Постараюсь ничего не уронить.

— За это ты уже нравишься мне больше некоторых мастеров.

Аля включила свет. Жюльен присел на кухне, пока она доставала бокалы; деревянный стул скрипнул под его весом. Взяв вино и штопор, она повела гостя в гостиную. Со штопором пришлось повозиться, и Жюльен осматривал его так серьёзно, что Аля расхохоталась ещё до того, как он приступил к бутылке.

— Теперь понимаю, зачем тебе понадобился сопровождающий.

— Я же предупреждала, что это бытовая необходимость.

— А экскурсия была проверкой моей квалификации?

— Разумеется. Мужчина, не сумевший отличить поилку от клумбы, к моему вину не допускается.

Пробка наконец поддалась, и они устроились на диване. Жюльен разглядывал комнату, спрашивал, что она собирается оставить, а что заменить. Аля показывала старые детали, которые успела полюбить, и те, к которым пока испытывала исключительно финансовые претензии.

— Пожалуй, это самый загадочный особняк в округе, — заключил он.

Аля замерла с бокалом у губ.

— Почему загадочный?

— Судя по твоему рассказу, каждый снятый слой штукатурки задаёт новый вопрос.

— И требует отдельной оплаты за ответ.

Жюльен рассмеялся, но над ними тяжело скрипнули доски, и Аля сразу подняла голову. Он тоже замолчал и посмотрел в сторону лестницы. Она успела поставить бокал на столик, когда наверху раздался глухой удар, после которого всё стихло.

— Ты тоже слышал? — спросила она.

— Я тоже слышал. Здесь часто такое происходит?

— Ремонт ещё идёт. Постоянно что-нибудь скрипит.

Аля сама удивилась, как легко нашлось объяснение. Ещё утром ей хотелось, чтобы кто-нибудь подтвердил: звуки существуют. Теперь, получив подтверждение, она пыталась убедить гостя, что беспокоиться не о чем.

К разговору они вернулись не сразу. Постепенно Аля перестала прислушиваться к потолку и поглядывать на дверь. За окном окончательно стемнело. В стекле отразились двое на диване, и она вдруг поняла, что уже некоторое время любуется Жюльеном вместо того, чтобы слушать.

— Ты так внимательно на меня смотришь, будто сканируешь, — заметил он.

— Может, мне интересно выяснить, действительно ли ты такой серьёзный и правильный мужчина, каким стараешься казаться.

Жюльен поставил бокал на столик.

— А если я перестану казаться?

— Тогда мне придётся проверить.

Он посмотрел ей в глаза и накрыл её ладонь своей. Аля переплела их пальцы и придвинулась ближе. Под её рукой была тёплая, чуть шершавая кожа, перед ней сидел мужчина, которого она хотела. Жюльен поднялся, не выпуская её руки, и Аля встала следом.

Он поцеловал её осторожно, вопросительно, оставляя возможность отстраниться. Она сама подалась навстречу, обвила руками его шею, и поцелуй стал горячее. Бокалы остались на столике. Ещё несколько минут назад ей было что сказать; теперь слова только мешали.

Они поднялись по лестнице, не размыкая объятий.

На повороте Аля на мгновение посмотрела в сторону чердачного пролёта. Там было темно и тихо. Жюльен коснулся её руки, привлекая внимание, и она повернулась к нему.

Сегодня она не собиралась стоять под чужой дверью и слушать.

В спальне Жюльен опустил её на кровать и склонился над ней. Целовал шею, плечи, грудь, касался с трепетной нежностью. Аля отвечала на ласки, чувствуя, как постепенно исчезает напряжение, с которым она прожила последние дни.

Его пальцы и губы скользили ниже, заставляя дыхание сбиваться. Он развёл её бёдра и приник к самой чувствительной точке. Жюльен ласкал её языком чутко и искусно; первая волна оргазма накрыла Алю быстро, вызвав стон наслаждения.

Затем он осторожно развернул её спиной к себе, поставил на четвереньки и плавно вошёл.

Движения были глубокими, мощными и неторопливыми. Напряжение нарастало с каждым толчком, пока Аля не ощутила второй оргазм. Обессилев, она опустилась лицом в подушки.

Жюльен лёг следом, тяжело дыша и покрывая её шею и лопатки поцелуями.

Ей было хорошо. Так хорошо, что на несколько мгновений она не могла ни пошевелиться, ни сказать что-нибудь связное.

Он перекатился на бок, притянул её к плечу. Аля устроилась рядом и закрыла глаза.

Постель, в которой она несколько ночей подряд боялась опустить ноги на пол, снова казалась просто постелью. Можно было лежать, чувствовать чужое тепло и не прислушиваться к каждому движению матраса.

Жюльен дышал ровно. Его ладонь оставалась у неё на спине.

Аля уснула и оказалась одна в каменном зале под высокими сводами, терявшимися в темноте. В сером свете без видимого источника стены казались плоскими, будто нарисованными. Холодный воздух с трудом входил в грудь; её словно стянули тугой лентой.

Она сделала несколько шагов и услышала за спиной тяжёлое хриплое дыхание. Смотреть не хотелось, но оставаться спиной к тому, кто стоял рядом, было ещё страшнее. Аля обернулась. Из полумрака выступил высокий широкоплечий мужчина с густыми чёрными волосами. Его бледное лицо застыло, а в тёмных глазах она не различала ни блика, ни движения.

Аля отступила. Во сне она не пыталась понять, кто он и откуда взялся; хотелось только оказаться подальше и не позволить длинным пальцам коснуться себя. Мужчина шагнул к ней, и, хотя шаг был бесшумным, она почувствовала его движение, словно зал сжался вокруг них.

— Не подходи ко мне, — попросила она, но голос прозвучал слишком слабо.

Он продолжал идти. Аля отступала, пытаясь уловить в его лице хоть что-нибудь человеческое: злость, насмешку, раздражение. Тогда можно было бы заговорить с ним, понять, чего он хочет, уговорить отпустить её. Но выражение его лица не менялось.

— Пожалуйста, оставь меня в покое.

Мужчина остановился и слегка склонил голову набок. Он услышал её, однако после этой короткой паузы снова приблизился. Аля развернулась и бросилась бежать. Зал растянулся перед ней: до стены, которая только что казалась близкой, теперь было невозможно добраться. Ноги вязли, колени с трудом сгибались, а тело не поспевало за усилием, словно воздух стал густым и держал её со всех сторон.

Из горла вырывалось беспомощное сипение. Теперь за спиной слышались шаги, медленные и размеренные. Аля попыталась закричать, но воздуха не хватило. Она сделала ещё несколько мучительных движений и оглянулась: мужчина уже был рядом. Когда его рука потянулась к её горлу, кожу словно сдавил ледяной обруч.

Аля закричала и проснулась от собственного крика. Она рывком села, вцепившись в простыню; воздух входил в грудь с присвистом. Несколько секунд серая стена ещё стояла перед глазами, пока сквозь неё не проступили очертания спальни. Между шторами проникали полосы утреннего солнца, напротив стоял шкаф, на стуле лежала одежда.

Жюльен спал рядом, уткнувшись лицом в подушку. Аля следила за тем, как поднимается при каждом вдохе его плечо, и ощупывала шею. На коже не было следов чужой хватки, но холод держался так, будто пальцы разжались лишь мгновение назад.

Ей казалось, от её крика должен был проснуться весь дом, а Жюльен даже не пошевелился. Неужели она кричала только во сне? Горло саднило. Аля опустила лицо к коленям и попыталась выровнять дыхание.

Жюльен что-то пробормотал, повернулся и сонно посмотрел на неё.

— Почему ты не спишь? Что случилось?

— Дурацкий сон приснился. Сейчас пройдёт.

Она попыталась улыбнуться, но он уже приподнялся на локте и коснулся её спины.

— Ты вся дрожишь.

— Просто не сразу пришла в себя.

Он ещё немного посмотрел на неё, затем потянулся и устроился на подушке.

— А я дрых без задних ног, как убитый. Давно так не высыпался: будто провалился в темноту с вечера и вынырнул только сейчас.

— Безумно за тебя рада, — усмехнулась Аля. Сравнение он выбрал потрясающе удачное. — Ты вообще ничего не слышал ночью?

Жюльен задумался и покачал головой.

— Не помню ничего. А что я должен был услышать?

— Мне показалось, я крикнула, когда проснулась.

— Возможно, поэтому я и проснулся, просто не понял.

Он говорил спокойно, и Аля убрала руку от горла.

Она посмотрела на него с невольной завистью. Ночь удалась, только сценарии им достались из разных жанров, а предупредить зрителей никто не потрудился. Аля легла рядом, и Жюльен притянул её к себе, поцеловав в висок. Его тепло понемногу возвращало телу чувствительность. Холод на шее ослаб, хотя окончательно не исчез.

Они переговаривались о пустяках, но перед глазами Али то и дело возникало бледное лицо из сна. Описывать его Жюльену она не стала: не хотелось превращать утро в объяснение того, чего сама не понимала. Пусть хотя бы у него сохранится простое воспоминание о прогулке и ночи с женщиной.

Наконец он взглянул на время и нехотя сел.

— Мне пора, сегодня работаю. Если задержусь, придётся объяснять, куда я пропал.

— Какая досадная неприятность для нас обоих.

— Я сам безутешен, поверь.

Аля наблюдала, как он одевается, и ловила себя на желании продлить эти минуты. Пока Жюльен собирался, она оставалась в доме не одна. Он подошёл к кровати, опёрся коленом о матрас и наклонился к ней. Аля обняла его за шею, ответила на мягкий поцелуй и не сразу отпустила.

— Мне очень понравился вчерашний вечер, — сказал он. — Могу надеяться, что это была не разовая акция гостеприимства?

— Мне тоже понравилось. Но за точным ответом придётся наведаться ещё раз.

Она достала телефон из кармана оставленной на стуле одежды, и они обменялись номерами. Жюльен показал, как записал её имя, Аля взяла его телефон и поправила запись. Эта мелочь неожиданно растрогала: у вчерашнего дня появилось продолжение, для которого достаточно просто позвонить.

Жюльен заказал машину и снова поцеловал её.

— Наберёшь, когда разгребёшь дела?

— Обязательно позвоню.

Аля накинула халат, убрала свой телефон в карман халата и проводила гостя до лестницы. Пока он обувался внизу, они договорились о новой прогулке без точной даты. Потом хлопнула входная дверь. Из окна Аля увидела, как Жюльен садится в приехавшую машину, и отступила. Без его шагов дом снова казался слишком тихим.

Она посмотрела на лестницу, ведущую к чердаку.

— Даже не думайте снова начинать, — сказала она и, не дождавшись ответа, спустилась на кухню.

Нужно было нормально позавтракать, выпить кофе и вернуться к делам. Аля поставила сковороду на плиту, включила конфорку и принялась резать овощи. Нож стучал по доске, из клетки доносилась возня. Солнечный свет высвечивал пыль на краю стопки бумаг, и всё было настолько обыденным, что она понемногу расслабилась. У неё появился номер Жюльена, он хотел встретиться снова; неужели нельзя хоть немного этому порадоваться?

— Спасибо за прекрасного любовника, — прошептала женщина у самого уха. — Мне он очень понравился. Приведи его ещё раз…

Аля замерла с ножом над доской. Голос она узнала мгновенно, но смысл слов будто задержался, не желая складываться во что-то настолько недопустимое. Она смотрела на лезвие и полоску овощной кожуры, пока пальцы не разжались сами. Нож звякнул о столешницу.

Повернуть голову не получалось. Женщина говорила так близко, что Аля должна была увидеть её лицо вплотную к своему, но уже знала: там будет пусто. Невидимая собеседница могла смотреть на неё и разговаривать, а Аля не могла даже определить, где та стоит.

— Он, конечно, будет против, — добавила женщина с коротким смешком и замолчала.

В кухне что-то потрескивало. Лишь через несколько секунд Аля поняла, что нагревается оставленная на плите сковорода, и выключила конфорку. После этого удалось отступить от столешницы и повернуться. Кухня была пуста, в открытом проходе тоже никого не было.

— Кто здесь со мной разговаривает? — спросила она почти сиплым голосом, но ответа не получила.

Аля прижала ладони к столешнице и попыталась сделать медленный вдох. Женщина знала о Жюльене, и от этой мысли скрутило желудок. Её слова вторглись во вчерашние воспоминания: теперь рядом с улыбающимся Жюльеном, его прикосновениями и поцелуями возникало чужое присутствие. Женщина говорила так, словно ночь предназначалась и для неё тоже.

Неужели она наблюдала за ними? Аля не позволила себе додумать другое объяснение. Утром Жюльен выглядел довольным, собирался на работу и уверял, что давно так хорошо не

высыпался. Она достала телефон из кармана халата, но звонить не стала. Что спросить? Не приходила ли к нему во сне незнакомая брюнетка? Мужчина ещё не успел добраться до работы, а хозяйка уже проводит допрос по делу о потусторонней измене.

Аля положила телефон на стол, решив сначала разобраться в том, что происходит.

— Дыши спокойно, — велела она себе и посмотрела на клетку.

Хомяк не подавал признаков тревоги. Возможно, спал в домике или считал, что справляться с невидимыми нахлебниками должна та, чьё имя стоит в документах на жильё.

— Очень вовремя ты устранился, — пробормотала Аля.

Злость помогла выпрямиться, но не объяснила случившегося. Она провела ночь с живым человеком, а кошмар всё равно пришёл. Теперь же голос прозвучал среди бела дня, когда она точно не спала. Женщина велела привести Жюльена ещё раз так, будто Аля невольно выполнила полезную работу, а теперь получала новое поручение.

— Так просто не бывает, — громко сказала она, оглядывая кухню, но впервые даже не попыталась себе поверить.

Глава 4
Право на выход

Аля всё-таки приготовила себе завтрак. Сковорода осталась на выключенной плите: возиться с овощами больше не хотелось. Она отрезала хлеб, положила сверху сыр, налила кофе и села, стараясь не смотреть туда, откуда только что прозвучал женский голос. Руки ещё дрожали, и чашку пришлось придержать обеими ладонями, чтобы не расплескать. Поесть казалось единственным разумным занятием; если бросить всё и начать метаться по комнатам, станет только хуже.

Она откусила бутерброд, когда соседний стул медленно отодвинулся. Ножки прошелестели по полу, спинка чуть повернулась к столу, словно кто-то выбирал, как удобнее сесть. Аля посмотрела вниз: её ноги были под собственным стулом, до соседнего она не дотрагивалась. Деревянное сиденье плавно прогнулось, и сухо скрипнуло крепление у спинки.

Аля не могла проглотить хлеб. Она смотрела на углубление посреди пустого сиденья, на спинку, которая ещё немного качнулась. На этом стуле вчера сидел Жюльен, пока она доставала бокалы; дерево двигалось и скрипело точно так же. Бутерброд выпал из пальцев на тарелку, а Аля продолжала смотреть на место, занятое невидимым гостем.

Ей казалось, что он устроился рядом и спокойно ждёт, пока она окончательно поверит в его присутствие. Она схватила лежавший возле тарелки телефон и вскочила. Стул отлетел назад и ударился о буфет, внутри звякнула посуда. Аля попятилась от стола. Голые ноги под халатом зябли, будто из коридора тянуло сквозняком, хотя ещё минуту назад она не чувствовала холода.

Пятка зацепилась за коврик. Аля качнулась, ухватилась свободной рукой за край столешницы и на мгновение закрыла глаза, удерживая равновесие. Когда она посмотрела снова, сиденье уже выпрямилось. Если тот, кто сидел рядом, встал, теперь он мог быть где угодно.

Она отступила к дверному проёму, нащупала спиной косяк и выскользнула в коридор. Сердце колотилось так сильно, что мешало вдохнуть. Убрав телефон в карман халата, Аля прижалась к стене и посмотрела на открытую дверь кухни. Следить за ней было бесполезно: она всё равно не увидит, если кто-нибудь выйдет следом.

Оставаться здесь больше не хотелось. Нужно было добраться до машины и уехать к людям, которые сидят на стульях вполне видимыми и не превращают завтрак в доказательство того, что мир сошёл с ума.

Аля торопливо поднялась в спальню, оглядываясь на повороте лестницы. Сняла халат, влезла во вчерашнюю одежду и выругалась, когда на дрожащих пальцах заело молнию. Наконец застегнула её, переложила телефон из халата в карман одежды и спустилась, держась у стены. Услышать сейчас голос с чердака означало окончательно лишиться способности дойти до двери.

В прихожей она обулась, взяла сумку и нашла ключи. Замок щёлкнул, но, когда Аля нажала ручку и потянула дверь на себя, та не сдвинулась. Она провернула ключ ещё раз, допуская, что от страха повернула его не в ту сторону. Ручка по-прежнему опускалась свободно, а тяжёлое полотно стояло намертво.

Совсем недавно отсюда вышел Жюльен. Она слышала, как хлопнула дверь, видела, как он шёл к машине. Аля медленно заперла замок и отперла, следя за каждым движением, проверила засов и снова потянула. Потом вцепилась в ручку обеими руками и рванула всем весом.

— Откройся! А ну откройся, тварь!

Металл скрипнул под ладонями, но дверь даже не дрогнула. Аля бросилась в гостиную. Окно первого этажа выходило во двор; если открыть раму, можно спуститься на землю. Пусть соседи обсуждают её сколько захотят.

Она откинула запор и потянула створку. Та подалась на сантиметр, впустила прохладный воздух и остановилась. Аля вцепилась в край рамы, упёрлась ногой в стену под подоконником и дёрнула сильнее. Дерево затрещало. Казалось, снаружи кто-то придерживает окно рукой, позволяя приоткрыть его ровно настолько, чтобы она почувствовала улицу.

Соседнее окно поддалось на такую же узкую щель. На кухне створка была приоткрыта на проветривание, но повернуть её шире тоже не удалось. За стеклом лежал залитый солнцем двор, и вдоль ограды прошёл человек. Аля ударила ладонью по стеклу.

— Подождите! Помогите мне открыть дверь!

Прохожий скрылся за краем окна. Она не знала, услышал ли он, и поспешно достала телефон. Пальцы попадали не туда, экран дважды сменился, прежде чем удалось открыть контакт Лины. Подруге хотя бы не пришлось бы объяснять, кто звонит.

— Возьми, Лин, ну возьми, — прошептала Аля, слушая гудки.

Лина не ответила. Аля собиралась набрать прораба: он знает дом, приедет, посмотрит замок, объяснит, что она неправильно дёргает. Пусть скажет что угодно, лишь бы оказался снаружи и открыл эту проклятую дверь.

Наверху скрипнула половица, и она застыла с телефоном в руке. Через несколько секунд раздался ещё один тяжёлый шаг. Так же скрипели доски вчера, когда они с Жюльеном сидели за вином. Тогда всё закончилось глухим ударом наверху. Теперь шаги приближались к лестнице.

Аля смотрела в сторону коридора и не могла заставить себя опустить глаза на экран. Даже уличные звуки перестали проникать в дом; за стеклом шевелились листья, а до неё доносился только скрип под чужими ногами. Она вышла из кухни, сунула телефон в сумку и попыталась удержать соскальзывающий ремень, но сумка упала на пол возле прихожей.

Скрип переместился на верхнюю площадку, затем на ступени. Аля отступила к входной двери и прижалась к ней спиной, забыв о сумке. Никого на лестнице не было видно, однако дубовые ступени гнулись под тяжестью невидимого тела. Они выдерживали рабочих с мешками смеси; сколько же должно весить то, что спускается сейчас?

Она не отводила глаз от лестницы. Между скрипами проходило достаточно времени, чтобы представить следующий шаг, и ожидание становилось невыносимым. Наконец щёлкнула нижняя ступенька, затем прогнулась половица в нескольких метрах от неё. Следом поддалась соседняя. По движению досок Аля могла проследить весь путь до себя, хотя в солнечном свете между дверью и лестницей по-прежнему кружились только пылинки.

Аля распластала пальцы по двери, пытаясь выдавить из себя просьбу остановиться. Последняя доска просела возле носков её обуви, и у лица повеяло холодом. Для вдоха словно не осталось воздуха. Она подняла глаза, когда по левой щеке скользнули пальцы. Ледяное касание прошло от скулы к подбородку почти бережно, и от этого страх стал невыносимым.

Она открыла рот, но не смогла закричать. Коридор потемнел, колени перестали держать, и Аля провалилась во тьму.

Перед Алей стоял мужчина. Совсем близко. Он смотрел на неё пристально, с таким глубоким вниманием, что перехватывало дыхание. Холода в его глазах не было. Она хотела отступить по инерции, но не смогла сдвинуться с места. Да и не захотела.

Его руки легли ей на талию. От прикосновения по телу прокатилась волна жара. Мужчина наклонился и коснулся губами её губ — сначала осторожно, потом со страстью. Аля подалась навстречу, обвила руками его шею и притянула ближе. Между ними возникло притяжение, которому она не могла сопротивляться.

Его поцелуи становились требовательнее. Он целовал её губы, шею, ключицы, заставляя забыть обо всём. Затем плавно и глубоко вошёл в неё.

Аля ощущала каждое движение, силу его тела и нарастающее наслаждение. Напряжение усиливалось, пока не разрешилось оргазмом, вызвавшим протяжный стон.

Она прижималась к нему, растворяясь в чувственном тумане. Просыпаться не хотелось.

Первым ощущением при возвращении в сознание был холодный пол под щекой. Аля открыла глаза и некоторое время рассматривала шов между досками, не понимая, почему лежит так низко и отчего болит плечо. Потом увидела входную дверь и резко села. Голова закружилась, пришлось упереться ладонью в пол.

Она потеряла сознание и упала, но воспоминание о мужчине оставалось таким ясным, что её бросило в жар. Тело ещё помнило близость, хотя щеку холодил паркет, а плечо ныло от удара. Аля обняла себя руками и посмотрела на лестницу, пытаясь понять, закончился ли кошмар вместе со сном.

Встать удалось не сразу. Она повернулась на колени, ухватилась за стену и поднялась. Одежда была на месте, сумка лежала неподалёку, из кухни доносилась возня хомяка. За окнами по-прежнему светило солнце; сколько времени прошло, Аля не знала.

Она коснулась левой щеки, затем повернулась к двери и осторожно нажала на ручку. Дверь открылась так легко, что Аля не сразу решилась отпустить её. В прихожую вошёл свежий воздух, за порогом лежала дорожка, по которой можно было уйти. Она шагнула наружу и глубоко вдохнула. Где-то лаяла собака, за оградой разговаривали люди, мимо проехала машина. От обычных уличных звуков подступили слёзы.

Постояв у косяка, Аля вернулась в гостиную, оставив входную дверь открытой, и попробовала распахнуть ближайшее окно. Створка подалась без усилия. Запор и рама были целы, никакой причины утреннему сопротивлению она не нашла. Получалось, теперь ей позволяли выйти.

Аля подняла сумку и достала телефон. Экран уцелел; среди последних вызовов стояло имя Лины — исходящий, без ответа. Заглянув на кухню, она увидела свой стул у буфета и недоеденный хлеб на тарелке. Всё осталось так, как было, когда она выбежала оттуда.

Она села на край дивана, пытаясь найти случившемуся объяснение. Недосып, стресс, слишком много работы — от этого вполне можно потерять сознание. Может быть, остальное приснилось перед падением или после него, в те секунды, которых она не помнит? Очень хотелось согласиться, перестать работать до ночи, поспать в другом месте и позвонить тому, кто поможет разобраться. Только происходящее повторялось уже который день, и каждый раз успокоить себя становилось труднее.

Телефон зазвонил у неё в руке. Аля вздрогнула, увидела имя Лины и сразу ответила.

— Привет, Лин. Я так хотела тебя услышать.

— Ну наконец-то, пропащая душа! Видела, ты звонила. Всё нормально?

— Сейчас вроде нормально, — ответила Аля, глядя на открытую входную дверь.

— Что значит «сейчас»? У тебя голос пришибленный. Что стряслось?

Обычно Аля могла отшутиться, рассказать о работниках, ценах на плитку или собственном героическом противостоянии штукатурке. Сейчас подходящих слов не нашлось.

— Я очень плохо сплю. Здесь странные звуки, и иногда кажется, что кто-то разговаривает. Сегодня я всерьёз перепугалась.

— Это рабочие шумят или ты слышишь такое, когда остаёшься одна?

— Когда одна. Сейчас сижу в гостиной, открыла дверь. Всё нормально.

— Ты уже второй раз это говоришь таким голосом, что я начинаю сомневаться.

Аля попыталась продолжить, но перед глазами снова прогнулся пол возле её ног. Рассказать о стуле и о том, как она металась от двери к окнам, не получилось. Лина выслушала её сбивчивое объяснение, не рассмеялась и наконец вздохнула.

— Аль, я тут подумала, что пора самой посмотреть на твой дом.

— Звучит пугающе. Что ты задумала на этот раз?

Шутка вырвалась по привычке, и Аля обрадовалась уже тому, что сумела её произнести.

— Я беру билеты и еду к тебе на пару-тройку дней. Проинспектирую твою французскую авантюру, оценю масштабы бедствия и помогу уничтожить стратегические запасы вина.

— Лин, половина комнат у меня сейчас в состоянии «разбомблено строителями».

— Идеально, будет о чём сплетничать под шпаклёвку.

— Ты правда готова вот так сорваться?

— Я соскучилась, — мягче ответила Лина. — И мне до смерти любопытно посмотреть, во что ты вляпалась. Только, судя по всему, затягивать с визитом уже не стоит.

Аля представила чемодан подруги в прихожей, её голос на кухне, вечные вопросы, смех и музыку с телефона. Рядом будет человек, который знает её много лет и сможет сказать, слышит ли то же самое. Облегчение было таким сильным, что она едва не согласилась сразу, но вспомнила утренние слова о Жюльене: «Приведи его ещё раз».

Приглашать Лину потому, что самой страшно оставаться одной, было слишком удобно. Подруга не обязана становиться средством от чужих кошмаров. И всё же утром Жюльен выглядел здоровым и довольным, торопился на работу; пока Аля видела последствия только на себе. Она не знала, от чего предостеречь Лину, но могла хотя бы заранее договориться об отъезде.

— Только учти: если мне здесь совсем не понравится, ночевать поедем в другое место.

— Да хоть в гостиницу. Я еду к тебе, а не к твоим балкам.

Вдвоём можно будет уехать, и Аля не станет уговаривать подругу остаться, если та тоже что-нибудь услышит.

— Приезжай, Лин. Я буду счастлива тебя видеть.

— Вот, уже голос живого человека. А то я начинаю представлять, как извлекаю тебя из-под рухнувшей люстры.

— Люстры пока не трогают. У тебя ещё есть время.

— А вот на вопрос «когда встречать?» отвечаю заранее: если с рейсами всё сложится, завтра ближе к вечеру буду на месте. Пришлю подробности, как возьму билет.

До приезда Лины оставалась всего одна ночь. Аля посмотрела на лестницу и заставила себя вернуться к разговору.

— Договорились, буду ждать.

— И только попробуй не выделить мне приличную гостевую комнату.

— На чердаке устроит?

Аля осеклась, вспомнив женский шёпот у самого уха. На чердаке Лина ночевать не будет.

— Не устроит, — беззаботно отозвалась подруга. — Я не для того тащу себя через пол-Европы, чтобы ночевать между чемоданом прежней хозяйки и дохлым голубем. Готовь лучшую кровать.

— Будут тебе покои с видом на сад.

— Вот и славно. До завтра, владелица родового поместья.

— До завтра, стихийное бедствие.

Аля улыбнулась и после разговора положила телефон на колени. Теперь у завтрашнего дня появилось конкретное содержание: подготовить комнату, купить еду, встретить подругу. За эти дела можно было ухватиться, пока остальное отказывалось укладываться в голове.

Короткий сигнал известил о сообщении прораба. Он уточнял список материалов: сегодня бригада работала на другом объекте, завтра возвращалась к её дому, и до этого нужно было определиться с несколькими вещами. К сообщению прилагались фотографии и вопросы об оттенках плитки. Аля перечитала его дважды. Получалось, сегодня никто не придёт.

Она хотела попросить прораба заехать немедленно, но посмотрела на открытый дверной проём. Что ему показывать? Исправный замок, створку, которая двигается так легко, будто над ней только что поработал лучший мастер в департаменте? Он проверит петли и вернётся

к списку материалов. Аля всё же написала, что утром входная дверь заедала, и попросила посмотреть её завтра.

Затем открыла вчерашнюю заметку: «Архив. История дома. Старые планы». Откладывать больше не хотелось. Аля составила запрос в муниципальный архив, указала адрес и попросила сообщить, какие сохранились планы и документы о прежних владельцах и как с ними ознакомиться. О голосах и невидимых гостях писать не стала. Ей нужны были сведения о доме, а не разговор о собственном состоянии.

Отправив запрос, она некоторое время смотрела на экран. Ничего ещё не объяснилось, но хотя бы появилось дело, от которого можно ждать результата.

Входная дверь оставалась открытой. Аля сходила на кухню, вернула свой стул к столу, убрала недоеденный завтрак и оставленные овощи, затем заглянула в клетку. Хомяк сидел в домике и посмотрел на неё без особого интереса.

— Если ты всё это видел и молчишь, имей в виду: это сокрытие информации от руководства.

Он принялся чистить шерсть, и Аля вздохнула.

— Понятно, адвокат посоветовал. Тогда продолжай.

Разговаривать с ним было проще, чем с пустотой: здесь хотя бы видно, кому именно до неё нет дела. Она убрала телефон со списком материалов в сумку и вышла из дома. Заперев дверь, сразу отперла её и проверила, откроется ли та снова. Дверь послушно поддалась. Аля выругалась себе под нос, ещё раз закрыла замок и пошла к машине. Несколько часов она проведёт там, где выходы предусмотрены администрацией и обозначены крупными зелёными табличками.

Поездка по строительным магазинам заняла остаток дня. Аля собиралась быстро купить необходимое, взять образцы и вернуться, но сначала заблудилась среди стендов с плиткой. Затем обнаружила, что бежевый — целая система испытаний для психики. Здесь были тёплый и холодный оттенки, песочный, кремовый и ещё какой-то, похожий при электрическом свете на грязноватую овсянку. На фотографиях образцы казались одинаковыми, вживую оказались издевательски разными.

Она отправила прорабу два снимка, получила уточняющий вопрос и посмотрела на ценник. Стоимость квадратного метра ненадолго вытеснила из головы даже невидимых жильцов. У стенда со светильниками стало не легче: то, что нравилось, стоило слишком дорого, а то, что помещалось в бюджет, хотелось повесить в комнате, где никто не задерживается добровольно.

Первым вспомнился собственный чердак. Аля мрачно усмехнулась и взяла каталог. Если уж жильцы обходятся без аренды, могли бы хотя бы поучаствовать в закупке освещения.

Потом пришлось выбирать молдинги, карнизы, образцы покрытий и спорить с собой о том, сколько вещей действительно нужно приобрести сейчас. Тележка наполнялась, ноги гудели, желудок напомнил о неудавшемся завтраке. Аля села перекусить и достала телефон. Лина прислала подробности дороги, подтвердив завтрашний вечер.

Аля ответила, что встретит её, и спросила, чего та хочет на ужин. Получив список, не удержалась от смеха и написала: «Ты на три дня или пережидать осаду?» Ответ пришёл почти сразу: «Всё зависит от качества твоего вина».

Она допила кофе и вернулась к покупкам. К дому подъехала на закате и несколько секунд сидела за рулём, глядя на фасад. Окна отражали вечернее небо. Именно таким она когда-то захотела этот дом: старым, немного уставшим, но красивым, со стенами, которые можно восстановить, и комнатами, которые можно обжить. Она вкладывала деньги и силы в место, где собиралась чувствовать себя спокойно, а теперь боялась подойти к собственной двери.

Аля взяла телефон, собираясь поискать гостиницу. Можно переночевать там, завтра забрать Лину и вместе решить, что делать дальше. Но она так устала, что собирать вещи и снова

куда-то ехать казалось почти непосильным. Утром дверь в конце концов открылась, сейчас дом выглядел мирно, и очень хотелось поверить, что вечер обойдётся спокойно.

— Сегодня тихо, — сказала она, обращаясь к дому через стекло машины. — Договорились?

Аля убрала телефон, вышла из машины и перенесла покупки на кухню. Пакеты с каталогами, веерами оттенков и тяжёлыми образцами опустились на стол с таким стуком, что хомяк возмущённо зашуршал.

— Вот именно, сама в восторге. Теперь можно выбирать цвет до конца жизни.

Она дошла до гостиной и рухнула на диван.

— Мозг официально ликвидирован. Я больше не способна выбрать даже цвет носков.

Некоторое время Аля лежала лицом в подушку и прислушивалась к дому. Отдохнув, поднялась и разогрела еду. Для ужина выбрала стул ближе к выходу; садиться на тот, который утром отодвигался сам, не хотелось. Взгляд то и дело уходил в коридор, и Аля напоминала себе, что завтра приедет Лина. Можно будет спросить: «Ты слышала?» — и получить ответ.

После душа она проверила окна и входную дверь. Ручки двигались свободно, дверь открывалась без сопротивления. Аля закрыла окна, заперла входную дверь и поднялась в спальню с телефоном в руке. Положила его возле подушки, оставила лампу включённой и села на кровать. Хотелось ещё написать Лине, поговорить о дороге и о том, что взять с собой, но сначала нужно было немного полежать.

Едва голова коснулась подушки, мысли поплыли. Аля ещё чувствовала край одеяла в пальцах и слышала собственный выдох, когда спальня исчезла и начался сон.

Брюнетка была там. Та самая женщина с точёной фигурой и внимательными тёмными глазами. Она приблизилась с полуулыбкой, и всё вокруг перестало занимать Алю. Остались близость, тепло, скользящие по коже руки. Ласки становились смелее и требовательнее. Тело откликалось, мысли путались. Аля запрокинула голову, чувствуя нарастающее наслаждение.

Из темноты появился мужчина. Высокий, с властным взглядом — тот, которого она уже видела. Одним резким движением он встал между ними и оттолкнул женщину.

Аля не успела понять, что произошло. Лишь почувствовала обиду — острую, почти детскую. Только что всё её существо тянулось к близости, и теперь её оборвали без объяснений. Из груди вырвался тихий стон досады.

Брюнетка отступила на несколько шагов и прищурилась. Они смотрели друг на друга с такой яростью, что даже сквозь сон Аля почувствовала напряжение. Мужчина заслонял её собой. Женщина не отводила от него глаз.

Ни один не посмотрел на Алю. Они снова что-то решали между собой. Сон оборвался.

Глава 5
Гостевая комната

Утром Аля некоторое время лежала, глядя на лепнину потолка. Сон оставил досаду, которой она стеснялась уже наяву: ей хотелось, чтобы вернули прерванную близость. При дневном свете собственная реакция казалась чужой. Она выключила оставленную на ночь лампу и села. Сегодня вернутся рабочие, нужно разобрать покупки, а к вечеру приедет Лина.

Аля взяла лежавший у подушки телефон. Подруга уже собиралась в дорогу и требовала подтвердить, что обещанная кровать существует не только в рекламном описании поместья. Аля улыбнулась и ответила, что кровать имеется, испытана и выдержит даже её характер. Потом оделась и спустилась проверить входную дверь. Отперев замок, она потянула ручку, и дверь легко открылась.

Без пяти девять приехала бригада. Дом наполнился голосами и стуком инструментов: снаружи загремели леса, внутри начали переносить мешки со смесями и готовить стены под проводку. Аля встретила прораба с открытым на телефоне списком покупок, но прежде, чем обсуждать розетки, показала ему замок.

— Посмотрите, пожалуйста. Вчера я никак не могла открыть дверь, сколько ни поворачивала ключ.

Он проверил ручку и петли, несколько раз отпер и запер замок. Аля следила за его руками, надеясь, что механизм наконец заест, мужчина нахмурится, достанет инструмент и найдёт причину. Но дверь открывалась без усилий.

— Возможно, перекосило при закрывании, дерево старое. Если повторится, позовите, посмотрим сразу.

По её просьбе мастер проверил и окна. Створки двигались свободно; он поправил одно крепление и вернулся на кухню, где со вчерашнего вечера стояли пакеты. Объяснения ловушке, в которой Аля металась накануне, так и не нашлось.

— Ну что у вас с материалами? — спросил прораб, открывая блокнот.

Следующий час ушёл на хозяйственные споры. Светильник оказался не совсем подходящим, место одной розетки опять пришлось обсуждать, а выбранный оттенок при дневном свете выглядел иначе, чем в магазине.

— Значит, вчера я потратила полдня, чтобы сегодня узнать, что выбрала новый оттенок отчаяния, — сказала Аля.

Прораб улыбнулся, и она перешла к следующему пункту. Потом пришлось открыть ноутбук и заняться работой. Между письмами Аля проверяла почту, но ответа из архива ещё не было. Пока внизу переговаривались рабочие, сосредоточиться удавалось лучше. Только на лестничной площадке она по-прежнему смотрела на закрытую чердачную дверь, прислушиваясь к каждому скрипу.

Днём Аля съездила за продуктами для Лины, а по возвращении подготовила комнату с окнами в сад. Перестелила постель, стёрла пыль и освободила место для чемодана. Протирая зеркало, невольно проверила отражение за своим плечом. Там виднелась пустая комната.

— Даже не пробуйте, — пробормотала она, откладывая тряпку.

В холодильнике теперь лежало всё, что Лина успела потребовать в переписке, и ещё немного сверху — на случай, если аппетит подруги пережил перелёт лучше её багажа. Ближе к вечеру рабочие ушли. Аля заперла входную дверь и поднялась в гостевую, где оставалось разложить полотенца. Около шести пришло сообщение: Лина уже подъезжала.

Из окна на площадке второго этажа были видны ворота. Такси остановилось у ограды, водитель открыл багажник, и на тротуаре появилась Лина с внушительным чемоданом и баулом

через плечо. Если судить по багажу, за обещанные пару-тройку дней она рассчитывала ещё и перезимовать.

Подруга оживлённо разговаривала с водителем на своём французском, заменяя недостающие слова жестами. Расплатившись, взялась за ручку чемодана и вытащила телефон. Аля ответила на звонок, всё ещё стоя у окна.

— Ты где там замуровалась?

— Вижу тебя со второго этажа. Сейчас спущусь.

— Тогда изволь открыть, графиня замка Иф! Я стою с чемоданами и начинаю чувствовать себя бедной родственницей.

— Уже бегу, только не переполоши соседей.

— Поздно предупреждаешь, они должны были услышать ещё таксиста.

Аля сбежала по лестнице и отперла дверь. Выйдя во двор, помогла подруге дотащить чемодан до порога, где Лина наконец выпустила ручку и обняла её.

— Ну привет, Алька!

— Привет, стихийное бедствие.

От знакомых духов, тёплого плеча и громкого голоса рядом у Али сжалось горло. Она задержала подругу в объятиях, и Лина, отстранившись, заглянула ей в лицо.

— Ты и правда устала.

— Сначала занесём вещи. Потом можешь начинать осмотр пострадавшей.

— Я бы начала с еды, но твой вариант тоже рассмотрим.

Чемодан грохотал по полу так, что его, наверное, слышали даже на чердаке. Аля испытала злорадное удовольствие: теперь здесь тоже умели шуметь. Обзорную экскурсию пришлось начать с предупреждений.

— Сюда пока не прислоняйся, штукатурка свежая. Через провод переступай, а если захочешь что-нибудь передвинуть, сначала спроси.

Лина оглядела строительные козлы, мешки и стену с размеченными линиями проводки.

— Скажи честно, санэпидемстанция и Гаагский трибунал в курсе, что здесь живут люди?

— Формально всё законно.

— А по совести, ты бы сама согласилась здесь гостить?

— По совести помоги с чемоданом и не задавай лишних вопросов.

Лина рассмеялась и подхватила баул. В гостевой она оценила вид на сад, надавила ладонью на матрас и с серьёзным видом вынесла заключение:

— Жить можно, если кормить будут регулярно.

— Ванная здесь, а кухню сейчас покажу.

Подруга выглянула в коридор и заметила лестницу наверх.

— Это туда, на чердак, где у тебя разговаривают?

Аля замерла у двери. Вопрос прозвучал без насмешки, и от этого ответить оказалось труднее.

— Да, иногда слышно оттуда. Пока туда не ходи: пыль, коробки, старые доски.

Лина посмотрела наверх. Обе прислушались, но в доме было тихо.

— Если что-нибудь услышу, скажу, — произнесла подруга. — А ты не будешь делать вид, что ничего не происходит. Мы договорились?

— Договорились, Лин.

— Вот и хорошо. Теперь показывай кухню. Меня по дороге кормили чем-то настолько небольшим, что я до сих пор считаю это недоразумением.

Минут через десять на столе стояли бутылка бордо, сыр, виноград, багет и несколько тарелок с едой из холодильника. Аля проследила, как Лина отодвигает стул и садится. Дерево скрипнуло под её весом, и на этот раз у звука была видимая причина.

— Ну, хозяйка, за что пьём? — спросила Лина.

— За то, что ты добралась и выдернула меня из строительного анабиоза.

— И за то, что ты ещё не выставила это вековое гнездо на аукцион.

— Ключевое слово — «ещё».

Они чокнулись. Поначалу Аля больше слушала: Лина рассказывала о дороге, попутчиках и своих попытках объяснить таксисту адрес. Потом заговорили о работе, знакомых и бесконечных мучениях с плиткой. Аля достала из пакета веер оттенков и протянула подруге.

— Выбери, какой тебе нравится.

Лина изучила образцы и указала на один из них.

— Я бы взяла этот.

— Именно его прораб сегодня забраковал.

— Значит, меняем прораба.

Аля расхохоталась: давно никто не предлагал такого простого решения её проблем. Первый бокал опустел незаметно, за ним второй. Они вспоминали университетские истории и собственные решения, когда-то казавшиеся исключительно разумными. Теперь разумного в них находилось мало, зато смеяться можно было до слёз.

Лина запрокинула голову, хохоча над очередной историей, и Аля машинально шикнула:

— Тише, соседей переполошишь.

— Каких соседей? У тебя за таким забором можно прятать небольшое правительство. Кто нас тут услышит?

Аля посмотрела в коридор. Лина проследила за её взглядом, но тут с вилки соскользнула виноградина. Подруги одновременно попытались поймать её у края стола и опять рассмеялись. За разговором Аля всё реже прислушивалась к дому, всё чаще спорила и сама перебивала подругу. На несколько часов она снова почувствовала себя хозяйкой.

Когда бутылка опустела, Лина посмотрела на часы и зевнула.

— Если сейчас не упадём в подушки, утром на стройке появятся два восставших зомби.

— Они уже видели меня в таком состоянии. У тебя ещё есть шанс спасти репутацию.

— Тогда отправляемся спать немедленно.

Они убрали еду, сполоснули бокалы и поднялись наверх. У гостевой Лина остановилась.

— Если что — стучи. Только по возможности не раньше кофе.

— Постараюсь согласовать график с местной нечистью.

— Вот и умница. Спокойной ночи, графиня.

— Сладких снов, Лин.

Аля вошла к себе. Вскоре закрылась дверь гостевой, за стеной зашуршали вещи. Лина негромко разговаривала сама с собой, что-то передвигала, устраивалась на ночь. Аля легла, слушая её, и даже после того, как всё стихло, думала о подруге в соседней комнате. Очень хотелось поверить, что вдвоём им ничего не грозит.

Ночью незнакомец снова появился в её сне.

Аля оказалась рядом с ним, погружённая в знакомое ощущение близости. Здесь его присутствие не вызывало страха. Напротив — рядом с ним было спокойно, и она тянулась к нему сама.

Он подошёл, положил ладони ей на талию. По телу разлилось тепло. Всё становилось отчётливее: взгляд, руки, расстояние между ними, сокращающееся с каждым мгновением.

И вдруг сон оборвался. Без звука, без вспышки. Мужчина исчез, будто изображение выключили.

После этого Аля спала глубоко и спокойно до самого утра. Проснувшись, она не сразу поняла, что изменилось: привычного страха не было. За окном светило солнце, тело отдохнуло, и впервые за последние дни не пришлось уговаривать себя встать.

Аля накинула халат, умылась и заглянула в гостевую. Постель уже была заправлена, чемодан стоял у стены, на спинке стула висела одежда, а Лины в комнате не оказалось.

— И куда тебя с утра унесло?

Из коридора донёсся шорох, затем тихий смешок. Аля вернулась в свою спальню и обнаружила подругу посреди кровати. Лина обложилась подушками, укуталась одеялом почти до подбородка и выглядела так, будто всё лучшее в этой жизни уже получила, а теперь снисходительно дожидалась завтрака.

— Доброе утро, ваше высочество. У тебя своя кровать есть, если ты не заметила.

— Я к тебе пришла, а тебя нет. Решила подождать в хороших условиях, здесь теплее.

— И ради этого стоило вылезать из собственной постели?

— Я уже успела в ванную. Не отказываться же теперь от подушек из принципа.

Аля усмехнулась. Подруга напоминала кота, добравшегося до оставленной без присмотра сметаны.

Лина посмотрела на неё сияющими глазами.

— Алька… Ты не представляешь, что мне приснилось!

Аля подошла и села на край постели.

— Судя по лицу, содержание явно восемнадцать плюс.

— Бери выше. На все двадцать один.

Лина зажмурилась и довольно откинулась в подушки.

— Мужчина. Боже, я таких в жизни не видела. Ни в кино, ни на обложках.

— Так-так. Интрига.

— Высокий, широкоплечий. И взгляд… Тяжёлый, прямо насквозь. Я от одного взгляда чуть на молекулы не распалась.

Аля ещё улыбалась.

— И как развивались события в твоём кинотеатре?

— Подошёл ко мне. Вплотную. И знаешь, никакого стеснения. Вообще. Спокойно с ним было, тепло, безопасно… Будто я его всю жизнь знаю.

Аля медленно выпрямилась. Лина этого не заметила. Смаковала воспоминание, перебирала край одеяла.

— Начал целовать. Обнимать. Всё чувствовала так ясно, до каждой клеточки. Аль, я проснулась и первые минуты шарила по постели. Была уверена, что он рядом лежит.

— Понятно, — произнесла Аля. Уже не так весело, как собиралась.

— Ничего тебе не понятно! Это была лучшая ночь за… даже не знаю, за сколько. Если такие мужчины существуют, заверните мне одного.

— Может, высшие силы прислали трейлер будущего мужа.

Лина рассмеялась.

— Вот. Именно. Я считаю это знаком свыше.

Аля опустила глаза на её руки. То же внезапное чувство безопасности рядом с незнакомцем. Прикосновения, которые казались настоящими.

Отдельно всё это могло присниться кому угодно. Мужчина во сне не обязан быть маленьким, некрасивым и неприятным, чтобы сон считался нормальным.

Но подробности складывались слишком знакомо.

— Глаза какие? — спросила Аля.

— Чёрные. Очень тёмные. А руки…

Лина продолжила рассказ, не замечая её молчания.

Аля вспомнила, как незнакомец исчез из её сна, после чего она впервые за долгое время спокойно проспала до утра. В соседней комнате была Лина. Переведя взгляд на подругу, Аля заметила возле её виска серебристую нить, а рядом ещё одну.

— Лин, подожди, дай посмотреть.

Она осторожно отвела волосы над левым ухом. В каштановых прядях отчётливо белело несколько волосков.

— У тебя седина появилась?

Лина перехватила прядь и попыталась рассмотреть.

— Господи, напугала. Три с половиной волосины! Мне теперь в монастырь или сразу место на кладбище бронировать?

— Раньше я их не замечала.

— Потому что раньше не исследовала мой скальп с утра пораньше. Мне тридцать пять, Алька. Я не обязана всю жизнь оставаться безупречной рекламой краски для волос.

Аля убрала руку. В нескольких седых волосах у тридцатипятилетней женщины и правда не было ничего невероятного.

— Не порть мне утро, — попросила Лина, снова устраиваясь в подушках. — Я только что пережила прекрасный роман. Хотя бы кофе дай выпить, прежде чем отправлять на заслуженный отдых.

Аля улыбнулась и позвала её завтракать. День прошёл спокойно. Рабочие занимались ремонтом, никто не передвигал мебель и не запирал двери. После работы Аля выбралась с Линой в город, а ночью снова выспалась без тяжёлого пробуждения.

На второе утро после приезда Лина выглядела такой довольной, что спрашивать о снах не требовалось. Днём, когда они остановились у витрины, Аля заметила у её виска светлую прядь. Солнце падало сбоку, и волосы казались выцветшими от самого корня.

— Повернись, пожалуйста. Здесь гораздо больше седины, чем вчера.

Лина придвинулась к стеклу, оглядела отражение и пожала плечами.

— Алька, это блик. Волосы на месте, и я обещала себе сегодня не таскать тебя от каждого зеркала силой. Пойдём уже.

Подруга отошла от витрины, но прядь осталась белой и в тени. Вечером Аля предложила переночевать в гостинице.

— Здесь опять что-то было? — Лина отложила вилку.

— Нет, просто сменим обстановку. Ты же сама говорила, что можем уехать.

— Можем, если тебе здесь страшно. Мы весь день гуляем, в доме я только сплю и ем. Что случилось сейчас?

Аля смотрела на её лицо. Лина была довольна прогулкой, голодна и слегка загорела. Казалось, дурного с ней ничего не происходило, если не считать этой пряди.

— Мне не нравится, как ты меняешься.

— Опять волосы? Послушай, я себя чувствую лучше, чем до поездки. Мы можем хоть сейчас собрать вещи, если ты не можешь здесь оставаться. Но ехать в гостиницу из-за того, что ты нашла у меня седину, мне кажется странным.

В голосе подруги слышалось усталое недоумение. Але хотелось показать ей что-нибудь бесспорное: сломанный замок, чужую вещь, хоть что-то, что они увидят одинаково. Она уступила, убеждая себя, что не должна пугать Лину тем, в чём сама не уверена.

Когда подошёл срок уезжать, подруга предложила задержаться: дорога была длинной, а они ещё ничего толком не успели. Хотелось съездить в соседний город, пройтись по магазинам, посидеть без спешки. Аля согласилась. После нескольких спокойных ночей легче было поверить, что опасность миновала, чем снова начать спор о волосах.

Так обещанные два-три дня растянулись почти на неделю. По утрам приходили рабочие, спорили о размерах и сроках, вечером уходили. Лина устраивала на кухне маленькие праздники из круассанов, сыра и новостей, непременно требовавших обсуждения. Закончив работу, Аля выбиралась с ней гулять. Они бродили по улочкам, сидели на террасах, перебирали безделушки в лавках.

Подруга могла заинтересоваться любым предметом, если продавец рассказывал о нём достаточно вдохновенно, а через пять минут забыть, что собиралась его купить. У очередной вазы Аля не выдержала:

— Тебе её куда ставить? Я позвала тебя в гости, а не назначила поставщиком лишней мебели.

— У тебя целый дом, что-нибудь придумаем. К тому же вазу мебелью не считаю, претензия отклонена.

Они рассмеялись, и Аля поймала себя на том, что уже полчаса не вспоминала о чердаке. По ночам она иногда долго не могла заснуть, но прежние кошмары не возвращались. Лина каждое утро сияла и при этом наяву ничего необычного не замечала.

Аля несколько раз осторожно спрашивала, не слышала ли она шагов наверху или голосов.

— Старый дом, шумит иногда, — отвечала Лина. — Но людей на чердаке я пока не обнаружила.

— Я спрашиваю не про людей, Лин.

— Помню, что ты рассказала. Если услышу что-нибудь странное, скажу, мы же договорились.

Между тем седина расползалась дальше от виска. Аля видела её, когда подруга собирала волосы, склонялась над тарелкой или поворачивалась к окну. К концу недели белые нити уже не терялись в каштановых прядях.

Однажды утром, пока Лина подкрашивала ресницы перед зеркалом, Аля подошла и отвела волосы над её ухом.

— Лин, посмотри внимательно на волосы над ухом. Белых прядей стало больше, чем в первые дни.

— Аль, у меня каштановые волосы, и той седины, о которой ты говоришь, я не вижу. Ты зациклилась на тех нескольких волосках, каждый день проверяешь и сама себя пугаешь.

Аля держала прядь между пальцами. В зеркале она была такой же светлой, как в руке, и принять этот цвет за блик уже не получалось. Лина осторожно высвободила волосы.

Але стало страшно: Лина, похоже, не отшучивалась и не скрывала тревогу. Они смотрели в одно зеркало, но видели разное.

Дело уже не ограничивалось волосами. В уголках глаз Лины появилась сетка морщинок, складки возле рта стали глубже. Лицо потеряло прежнюю мягкость, заострилось. На прогулках Але иногда казалось, что движения подруги сделались тяжелее, но та тут же оборачивалась, махала рукой, звала к очередной витрине — живая и вполне довольная собой.

Лина не выглядела больной и оставалась красивой женщиной, только теперь ей можно было дать лет сорок пять. Аля помнила её тридцать пять, помнила, какой она вышла из такси и как убирала волосы с лица за первым ужином. В магазинах с подругой разговаривали как обычно, официанты улыбались, продавцы предлагали примерить платья. Со стороны всё выглядело благополучно, и от этого собственным глазам верилось всё меньше.

В тот же день пришёл ответ из архива. К письму приложили копии двух планов с пояснениями к перепланировкам дома. Аля открыла их на ноутбуке и увеличила старые линии. На одной схеме нижние помещения соединялись проходом, которого на более поздней уже не было; возле него стояла пометка о закладке. Именно о таких переделках предупреждали в мэрии.

Она сохранила документы отдельно и сверила общий контур с нынешним планом. Чертежи стоило показать рабочим, осмотреть кладку, но сейчас ни один из них не помогал понять, что происходит с Линой. Подвал мог подождать.

Вечером они сидели на террасе. Подруга перебирала покупки и предлагала поездку на завтра, а Аля смотрела на серые нити у её виска и лицо, в котором всё ещё узнавала Лину.

— Скажи честно, ты совсем ничего не чувствуешь? Не устаёшь, ничего странного не замечаешь?

Лина подняла брови, и на лбу появилась глубокая складка.

— Да что именно, Аль? Я не понимаю, о чём ты спрашиваешь.

Больше ждать было нельзя. Если Аля ошибалась, они поссорятся из-за её страхов. Если нет, ещё одна ночь могла стоить Лине слишком дорого.

— Тебе пора возвращаться домой. Здесь оставаться нельзя.

Подруга положила покупку на стол.

— Ты сейчас серьёзно? Что случилось?

— Мне нужно разобраться с домом, со всем, что навалилось.

— Мы же можем разобраться вместе. Я для этого и осталась.

Аля сама предлагала гостиницу и могла вернуться к тому разговору, уехать вместе с Линой и проверить, станет ли лучше. Но при мысли ещё сутки наблюдать за тем, как меняется подруга, её охватывала паника. Хотелось увезти Лину как можно дальше отсюда, от этих комнат и счастливых пробуждений.

— Ещё на одну ночь ты здесь не останешься, — сказала Аля.

— Прекрасно ты решила. — Лина откинулась на спинку стула. — А меня спросить не нужно?

От обиды в её голосе Аля едва не отступилась, но снова посмотрела на седые пряди и взяла телефон. Нашёлся рейс, на который они ещё успевали в тот же вечер. Она проверила время, дорогу до аэропорта, перечитала условия и оплатила билет, пока страх не превратился обратно в сомнения.

Лина до последнего смотрела на неё так, словно ждала окончания нелепой ссоры. Увидев подтверждение покупки, она побледнела.

— Ты действительно купила? За меня решила, когда мне лететь? Мы собирались ещё столько всего сделать. Я задержалась, потому что мы договорились, а теперь ты отправляешь меня обратно?

— Прости меня, Лин.

— Не извиняйся, объясни, что происходит.

Аля так и не решилась сказать, что боится за её жизнь. Лина даже седины у себя не видела; как убедить её, что опасность может быть связана с домом и мужчиной из сна?

— Из-за ремонта и работы я ничего не успеваю. Мне нужно побыть одной.

Лина смотрела на неё несколько секунд.

— Так и сказала бы. Без этого спектакля про то, что мне здесь нельзя оставаться.

Она поднялась и ушла в гостевую. Вскоре наверху зашуршал раскрываемый чемодан. Аля осталась с телефоном в руке. Хотелось пойти следом, обнять подругу, сказать, что передумала и завтра они поедут гулять, как собирались. Последнюю неделю она только и делала, что выбирала объяснения, после которых становилось легче.

Аля поднялась помогать с вещами. Лина складывала одежду резко, молча; от помощи не отказывалась, но на подругу не смотрела. Аля подавала вещи и убирала мелочи в боковые карманы, стараясь не задерживать взгляд на её висках.

— Ты в последние дни какая-то совершенно ненормальная, — сказала Лина, застёгивая чемодан. — Я не для того приехала, чтобы мешать тебе жить.

— Ты мне не мешаешь.

— Тогда почему я сейчас собираю вещи?

Ответить было нечего. Они отнесли багаж к машине, Аля заперла дом, и до аэропорта ехали почти молча. Лина смотрела в окно, изредка проверяла телефон. Город остался позади, затем кончились знакомые повороты. С каждым километром Але становилось легче дышать, хотя лицо подруги не менялось. Хотелось снова взглянуть на её профиль, волосы и руки, но приходилось следить за дорогой.

У входа в терминал Лина остановилась.

— Я всё равно не понимаю, какая муха тебя укусила. Ты могла по-человечески сказать, что хочешь побыть одна. Я бы не стала навязываться.

Аля невольно сжала большой палец в ладони.

— Могла, ты права. Прости меня.

Лина тяжело вздохнула и обняла её. Объятие вышло коротким, сухим; Аля отпустила подругу, как только та отстранилась.

— Наберёшь хоть?

— Обязательно позвоню. Напиши, когда доберёшься.

— Напишу. И когда-нибудь расскажешь, с какого перепугу так спешно выставила меня за дверь?

— Я тебе расскажу, Лин.

Подруга взялась за чемодан и пошла к раздвижным дверям. Один раз оглянулась, потом ещё — уже из потока людей. Аля стояла, пока не перестала её видеть. Вокруг гремели колёса чемоданов, пассажиры обнимались, спорили по телефону, спешили на рейсы. Здесь люди уезжали из-за отпусков, работы, семьи. А она отправила Лину домой, потому что боялась: кто-то незримый забирает у подруги жизнь, пока та спит.

Вернувшись в машину, Аля посмотрела на пустое пассажирское сиденье. Неделю назад ей казалось, что Лина спасёт её от страха. Теперь оставалось надеяться, что она сама успела спасти Лину от дома.

Она написала и отправила: «Я тебя люблю. Прости, что так получилось». Объяснением это не было, но оставлять последними словами ложь о том, что подруга ей мешает, она не хотела.

Обратная дорога показалась длиннее. Когда Аля подъехала к дому, уже стемнело. Окна гостевой были тёмными, как до приезда Лины. Подруга больше не находилась в этих комнатах; Аля повторила это себе, прежде чем выйти из машины.

Отперев дверь, она вошла в прихожую и бросила ключи на тумбу. После аэропорта тишина давила на уши. Никто не звал с кухни, не спрашивал, куда она положила сыр, не требовал признать, что выбранная плитка всё-таки отвратительна.

Аля прошла к раковине и налила воды. Горло саднило, плечи ныли от дороги. Она поднесла стакан к губам, когда возле уха прошелестело:

— Он очень зол…

Аля замерла, узнав женский голос. Он прозвучал совсем близко, как прежде. Не поворачиваясь, она смотрела на воду и чувствовала, как холодеют пальцы. Он злился потому, что она увезла Лину?

Ответа не последовало. Аля оставила стакан на столешнице и отступила в коридор. Хотелось добраться до спальни и закрыться, хотя замок уже не казался защитой. Она поднялась по лестнице. До двери оставалось несколько шагов, когда за спиной прозвучал мужской голос:

— Лины нет… значит, будешь ты.

Аля остановилась, глядя на собственную дверь. Отправив подругу домой, она действительно что-то у него отняла. И теперь он пришёл к ней.

Глава 6
Условия проживания

Аля схватилась за ручку спальни, но пальцы соскользнули. Со второй попытки она распахнула дверь, влетела внутрь и захлопнула её за собой. Повернув защёлку до щелчка, прижалась спиной к дереву и попыталась отдышаться.

Из коридора не доносилось ни шагов, ни стука. Аля отступила от двери, не сводя глаз с латунной ручки. Между ней и тем, кто говорил за спиной, оставалась хотя бы эта деревянная преграда.

Ручка медленно опустилась до конца. Внутри замка сухо щёлкнуло, и дверь начала открываться, впуская свет из коридора. За ней никого не было. Створка остановилась, не коснувшись стены, а возле затылка вдруг стало холодно. По плечам пошли мурашки, словно кто-то подошёл вплотную.

Аля обернулась и запрокинула голову. Существо почти достигало высокого потолка. Угольно-чёрная кожа отливала тусклым, резиновым блеском; под ней перекатывались мышцы широкой груди, тяжёлых плеч и мощных предплечий. Длинные руки заканчивались когтями. Пропорции были пугающе совершенными, словно человеческому телу придали размеры и силу, которых в человеческом мире не существовало.

В лице ещё угадывались знакомые черты: резкие скулы, полные губы, раскосые глаза. Над линией волос выступали небольшие рога.

Аля опустила взгляд ниже и тут же снова подняла. Между мощными бёдрами темнел огромный член — неправдоподобных, пугающих размеров, такого же сплошного угольно-чёрного цвета, как всё тело. От одного взгляда на эту плоть её прошиб холодный пот.

Но страшнее всего оказалась ярость в его глазах. Аля отступила до стены и застыла, чувствуя холод сквозь одежду.

— Как ты посмела отнять у меня то, что сама же отдала? Она уже принадлежала мне по праву.

Низкий голос был тем самым, что прозвучал за её спиной. Существо шагнуло ближе, и Аля поняла, что речь о Лине. Нужно было сказать, что подруга никому не принадлежит, но разомкнуть губы не получалось.

— Отвечай! — рявкнул он, и Аля вздрогнула. — Я сказал — отвечай!

На туалетном столике что-то задребезжало. Аля открыла рот, но смогла лишь втянуть воздух. Существо стояло между ней и дверью, а запертая спальня его не остановила.

Воздух между ними пошёл рябью, и из неё выступила брюнетка. Аля сразу узнала лицо, волосы и губы незнакомки из снов. Теперь женщина стояла в её спальне рядом с огромным чёрным существом и смотрела на него без малейшего испуга.

— Зачем ты её так напугал? Посмотри на неё: она даже ответить тебе не может. Спала бы — хотя бы попыталась вырваться из царства Морфея. Но сейчас она не спит.

Брюнетка произнесла это с той же будничной интонацией, с какой прораб объяснял расположение розеток. Аля переводила взгляд с одного на другую, цепляясь за надежду, что всё-таки проснётся.

— Она прекрасно знает, что сделала, — отозвался чёрный.

— Она знает только, что отправила подругу домой, а остального не понимает. И зачем ты вообще явился в таком виде? Прекрасно можешь выглядеть нормально.

— Я слишком зол, чтобы держать себя в руках. — Он снова посмотрел на Алю. — Если бы мог… разорвал бы эту дрянь прямо здесь.

— Тогда убирайся на чердак и злись там.

Аля не сразу поверила, что женщина обращается с этим существом как с недовольным родственником, мешающим разговору. Но его силуэт потерял очертания и исчез; за ним снова стали видны шкаф и край ковра.

Значит, они могли находиться рядом и прежде, когда она включала свет, заглядывала под кровать, разглядывала себя в зеркале. А она ещё угрожала жандармерией, стоя под балками, и злилась, что её игнорируют. Впрочем, дом ей продали без инструкции о том, как разговаривать с рогатым жильцом и его подругой.

Брюнетка приблизилась. Аля выпрямилась у стены, стараясь не дать ей зайти за спину, но прохладные пальцы уже коснулись волос и опустились на плечо.

— Кто вы? И что здесь происходит? — наконец выговорила Аля. Голос звучал хрипло и слабо.

— Тебе пока достаточно знать, что нам нужны мужчина и женщина. Ты, конечно, нам подходишь, но не настолько. Приведи их сюда, если хочешь и дальше спокойно засыпать и просыпаться.

Женщина поймала её взгляд в зеркале. В отражении они выглядели как две обычные женщины, стоящие слишком близко друг к другу. Аля хотела сбросить чужую руку, но не решилась.

— С чего вы взяли, что я стану приглашать сюда людей?

— И не думай, что сможешь отделаться от нас, уехав или выставив дом на продажу.

Именно об этом Аля и собиралась думать, как только сумеет выйти из комнаты и перестанет дрожать.

— А что помешает мне уйти?

— Не веришь — попробуй. Только помни: чёрный достанет тебя повсюду, даже глубоко во сне. Он может переломать тебе рёбра и задушить там так же, как наяву.

Брюнетка наклонилась к её лицу. Перед глазами Али возник каменный зал, вязкий воздух, рука возле горла. Она не знала, был ли это он, но помнила, как страшно просыпаться, всё ещё чувствуя чужую хватку.

— Так что бежать тебе, Алька, по сути некуда.

Женщина убрала руку, и Аля успела спросить:

— Откуда вы знаете моё имя?

Брюнетка исчезла. В зеркале осталась только Аля — бледная, прижатая к стене. За открытой дверью был виден коридор и поворот лестницы. Она могла выйти из дома, но как перестать спать?

Аля добралась до кровати и села. Руки всё ещё дрожали. Некоторое время она смотрела в тёмное окно, прежде чем достала телефон. Лина прислала сообщение: «Долетела. Всё нормально».

Хотелось позвонить, услышать голос, спросить о самочувствии. Однако после сегодняшней ссоры Аля не решилась начинать ещё один разговор среди ночи. Она написала: «Спасибо, что сообщила. Отдыхай. Завтра наберу» — и осталась сидеть с телефоном в руке. Слово «галлюцинация» ещё возникало в голове, но больше не успокаивало.

Она включила лампу, закрыла дверь спальни и повернула защёлку. Замок работал как прежде, только теперь Аля знала, чего стоит такая защита. Положив телефон возле подушки, она легла на кровать и натянула на себя покрывало.

Утром нужно уходить. Не выбирать плитку и не ждать следующего предупреждения, а собрать вещи и уехать. Сдать дом, продать или оставить пустым — с этим можно разобраться позже. Брюнетка могла лгать именно потому, что не хотела её отпускать. Аля ещё не проверяла, способен ли чёрный прийти к ней в другом месте.

Закрывать глаза было страшно, но после дороги, ссоры и того, что случилось в спальне, сил почти не осталось. Она ещё видела свет лампы сквозь веки и пыталась перечислить, что возьмёт с собой, когда мысли начали путаться.

В полупрозрачном мареве сна к ней приближался мужчина. Он шёл не спеша, с плавной, гипнотической грацией. Остановился вплотную и протянул раскрытую ладонь, словно без слов предлагая довериться ему. Не в силах сопротивляться этому зову, Аля вложила пальцы в его тёплую руку. Мужчина поднёс её руку к губам и поцеловал. Затем опустился перед ней на колени.

Начиная с пальцев и изгибов ступней, его губы и горячее дыхание поднимались по её ногам. Аля судорожно ахнула. От этой нежности по телу прокатилась волна восторга; ласки были настолько чувственными, что мысли растворились.

Поднявшись выше, он бережно стянул с неё бельё. Каждое прикосновение было наполнено жадным желанием, и Аля отдалась ему без остатка.

Его пальцы мягко и уверенно проникли внутрь, задавая плавный, тягучий ритм. Она подалась навстречу руке, ловя каждое движение. Мужчина ускорил темп, сочетая ласки пальцев с горячими касаниями языка, и Алю накрыл первый оргазм. Но он не дал ей перевести дух.

Едва схлынула волна, как мужчина подхватил её на руки. Ноги Али обвились вокруг его бёдер. Одним плавным движением он вошёл в неё целиком и начал двигаться.

Наслаждение накрывало снова и снова. Одна волна сменяла другую без пауз и передышек. Аля потеряла счёт оргазмам — десять, двадцать… Казалось, этому не будет конца, будто тело непрерывно наполнялось электричеством и удовольствием.

Но стоило ей попытаться вглядеться сквозь пелену блаженства, наконец различить черты лица незнакомца, как его образ подёрнулся рябью и растаял. Вместе с ним оборвался сон.

Аля открыла глаза и увидела знакомый потолок. Она улыбалась. Поняла это не сразу. Лежала, ощущая тепло внизу живота, вспоминала поцелуи, руки, собственные ноги, обхватившие его бёдра. И только потом осознала, насколько это не соответствует тому, что происходило вечером. Ей угрожали. Сейчас же чувствовала себя отдохнувшей и почти счастливой. От этого стало не по себе.

Аля села на кровати. Нельзя позволять приятному сну отменить всё остальное. Лина тоже рассказывала о своих ночах с восторгом; это не помешало тому, что Аля увидела потом.

Наступило утро. Аля ещё раз прочитала сообщение подруги, оставила телефон на постели и отперла спальню. Перед душем спустилась за сумкой и забрала с тумбы в прихожей ключи от машины.

После душа Аля завернулась в полотенце и подошла к зеркалу. Протерев запотевшее стекло, подалась ближе: привычные складочки возле глаз исчезли. Кожа выглядела гладкой и свежей, будто за одну ночь с неё сняли усталость последних лет. Черты стали отчётливее, щёки слегка порозовели.

Сначала Аля решила, что дело в воде и освещении. Она отступила, посмотрела сбоку, улыбнулась и нахмурилась, наблюдая за отражением. Кожа под глазами и на шее оставалась упругой.

Аля ослабила полотенце и опустила его ниже. Грудь тоже изменилась. Стала выше, полнее, упруже — такой она помнила её гораздо раньше. Она знала собственное тело и перепутать такие вещи не могла. Она медленно повернулась перед зеркалом. Отражение повторило движение.

Аля успела испытать короткую, почти детскую радость, прежде чем вспомнила седину у виска Лины. Подруга менялась в одну сторону, она — в другую. Аля не знала, связаны ли эти перемены и что именно случилось ночью, но наслаждаться отражением больше не могла. Она подтянула полотенце, туго закрепила его и вернулась в спальню.

В спальне Аля раскрыла чемодан на кровати и принялась бросать в него бельё, платья, свитер и косметичку. Проверив документы, убрала папку в сумку к банковской карте и ключам, затем взяла с постели телефон и положила туда же.

Она потянулась за блузкой и увидела в дверях брюнетку. Та прислонилась к косяку и наблюдала за сборами с ленивым интересом.

— Я уезжаю и сниму другое жильё, — сказала Аля. — Вчера я смогла выйти, сегодня дверь тоже открывается.

— Ты так ничего и не поняла. Он тебя не отпустит, а продать дом ты не сможешь: ты купила его без права перепродажи. Неужели проглядела такую маленькую строчку в договоре у нотариуса?

Аля сжала блузку. Она читала документы, задавала вопросы, проверяла суммы и условия: в покупку ушли основные сбережения. Никакого запрета она не помнила.

— Покажи мне эту строчку. Где она?

— Бумаги у тебя, можешь перечитать.

Пока о запрете говорила только эта женщина. Без чёрного существа перед глазами Аля могла спорить, хотя голос всё ещё дрожал.

— Я разберусь с договором. Даже если дом нельзя продать, это не обязывает меня в нём жить.

— А его не остановит твой отъезд. Он придёт к тебе во сне и вряд ли будет так же терпелив, как вчера.

Аля посмотрела на брюнетку с ненавистью: называть вчерашнюю угрозу терпением было издевательством.

— Все мои деньги здесь, — вырвалось у неё. — Но на комнату я найду. Пусть дом стоит пустым.

— А эта ночь тебе совсем ничего не дала? Ты получила первую награду. Будешь выполнять условия — сохранишь молодость и красоту, станешь богатой настолько, что перестанешь думать о стоимости каждой мелочи в этом доме.

Аля разжала пальцы, и блузка упала на край чемодана. Ей хотелось спросить, сколько именно денег и насколько далеко можно вернуть время назад. После утреннего зеркала это обещание не казалось пустым, но ещё вчера эти же существа угрожали её убить.

— Как долго это продлится?

— Пять лет для начала. Дальше посмотрим. Возможно, решим, что можем тебя отпустить.

Ей было тридцать восемь. Пять лет — до сорока трёх, и даже тогда её могли не отпустить.

— А если через пять лет вам опять покажется мало? Это моя жизнь, и я хочу знать, чего вы от меня требуете.

— Именно поэтому тебе стоит внимательно слушать, а не заглядывать так далеко. Приводи мужчин и женщин; кого именно — решай сама. Главное, чтобы они переступали этот порог и оставались ночевать.

— У Лины появилась седина и изменилось лицо. Что вы с ней сделали и что будет с остальными?

— Она добралась домой, верно? От тебя требуется обеспечить ночлег, а остальное тебя не касается. Пока гости будут приходить, ты сможешь спать спокойно, без кошмаров и чудовищ в спальне. Никто не попытается до тебя добраться.

От этих слов похолодело в животе. Лина написала ей, а брюнетка говорила так, будто тоже читала сообщение.

Аля посмотрела на место у стены, где вчера стоял чёрный. Теперь его отсутствие предлагали ей как награду.

— И последнее: больше никаких людей в твоей постели. Секс у тебя может быть только со мной или с ним.

Аля посмотрела на кровать и вспомнила Жюльена рядом с собой.

— Из-за того, кто был у меня в гостях?

— Он не потерпит соперников, — ответила брюнетка. — И не станет тебя делить. Не приводи сюда того мужчину снова.

Аля вспомнила тяжёлый скрип над ними, когда они с Жюльеном сидели за вином, и глухой удар наверху. Гость тоже слышал его. Значит, тот, кто ходил по дому, уже тогда мог следить за ними. От этой мысли стало гадко.

— Я твоего спутника не выбирала и разрешения на встречу ни у кого не спрашивала.

— Ты принадлежишь дому так же, как дом принадлежит тебе, — продолжила женщина. — И нам — так же, как мы принадлежим тебе.

— Что значит — вы принадлежите мне? Ты только что объясняла, что мне здесь ничего нельзя.

Силуэт женщины подёрнулся рябью. Сквозь него проступили коридор и открытая дверь соседней комнаты, а через мгновение брюнетка исчезла.

Аля осталась возле чемодана. Почему им нужно, чтобы людей приглашала именно она? Почему они сами не открывали дверь прохожим? Возможно, их тоже что-то ограничивало. Слова о взаимной принадлежности стоило запомнить.

Она подняла блузку с края чемодана и повесила обратно в шкаф, затем убрала свитер и бельё.

Папку с договором она достала из сумки и положила на стол в спальне. Если брюнетка врёт хотя бы об этом, нужно разобраться.

Когда Аля потянулась за последним платьем, возле уха прозвучал мужской голос:

— Время у тебя до завтра. Люди нужны уже завтра ночью.

Платье выскользнуло из пальцев. Аля обернулась, но в комнате никого не было; дверь оставалась открытой настежь.

Где взять мужчину и женщину, которые согласятся здесь ночевать, и чем объяснить приглашение? Аля посмотрела на упавшее платье. Что, если однажды утром гость не проснётся и ей придётся войти в комнату, чтобы увидеть последствия того, о чём сейчас запрещали спрашивать?

У неё будет дом с садом, гостевыми спальнями и трупами под яблонями. От этой мысли её передёрнуло.

— Нет, вот этого не будет, — тихо сказала Аля, глядя на потолок.

Не дождавшись ответа, она села на край кровати. Ещё недавно Аля спрашивала рабочих, когда здесь можно будет нормально жить. Теперь спокойную ночь ей обещали только при условии, что в доме останутся чужие люди.

Она позвала Лину, потому что нуждалась в подруге, а Жюльена — потому что хотела его видеть. Следующих гостей придётся приглашать, уже зная, что они нужны тому, кто прячется в доме.

Аля сидела перед раскрытым чемоданом, прислушиваясь к скрипу досок внизу. До завтрашней ночи ей предстояло найти двух человек.

Глава 7
Цена гостеприимства

Алька подняла с пола платье и оделась. Чемодан остался раскрытым на кровати. Она забрала со стола папку с документами на дом, достала из сумки телефон и прошла в кабинет.

В договоре Аля так и не нашла прямого запрета перепродажи, которым её припугнула брюнетка. Несколько формулировок требовали пояснений, и бумаги стоило показать нотариусу. Однако мужчина, способный появиться посреди запертой спальни, вряд ли собирался судиться с ней. Даже если с договором всё было в порядке, безопасной ночи это не обещало. До завтрашней ночи ей велели найти мужчину и женщину, согласных остаться под этой крышей.

Аля отложила папку. Через открытую дверь кабинета были видны двери двух пустующих гостевых спален. В их городке хватало туристов: летом на узких улицах останавливались машины с чужими номерами, возле старых фасадов фотографировались пары. Кому-то наверняка требовалась комната на одну ночь.

Она села за компьютер и нашла площадку, где местные жители бесплатно принимали путешественников. Когда-то Аля читала о каучсёрфинге: люди знакомились, давали друг другу ночлег и потом спокойно ехали дальше. С каждым заполненным полем анкеты задача приобретала почти успокоительный, деловой вид. Указать адрес, описать дом, выбрать даты она могла. Никого не пришлось бы хватать за рукав на улице и заманивать непонятно чем.

Но Лина тоже приехала сама. Аля остановилась, вспомнив седую прядь у виска подруги и её обиженный взгляд перед отъездом.

«Лина прожила здесь неделю, а эти останутся на одну ночь».

За эту мысль хотелось ухватиться. Жюльен уехал довольным, отдохнувшим, и ничего странного в нём она не заметила. Может быть, дело действительно в сроке? Аля не знала ответа, но продолжила заполнять анкету.

Она зарегистрировалась на двух площадках и составила объявление: в просторном старинном доме можно было бесплатно остановиться одному или вдвоём на одну-две ночи. Перечитав последнее, Аля исправила срок на одну ночь. Добавила про ванную, кухню и сад, выбрала фотографии. На них дом получился красивым: светлые окна, зелень, дорожка к крыльцу. Чужому человеку здесь наверняка захотелось бы задержаться.

Под описанием она начала печатать «Никаких скрытых условий…», посмотрела на слова и стёрла их.

— Ну да, искреннее радушие хозяйки, — проговорила Аля. — Ещё тапочки с логотипом чердака предложить.

Она отправила объявления, надеясь, что свободные путешественники уже нашли себе других гостеприимных идиоток с домами. Только сверху мог спуститься тот, кто ждал от неё гостей.

Оставив телефон на столе, Аля спустилась на кухню, проверила воду у хомяка и насыпала корм. Тот деловито копался в подстилке и на человеческие трудности не отвлекался. Она заварила чай, вернулась в кабинет и обновила страницу, но ответов ещё не было.

Через два часа телефон звякнул. Семейная пара искала ночлег на сегодняшний вечер. Они ехали на автомобиле, могли добраться к сумеркам и спрашивали, не слишком ли поздно написали. До назначенного срока оставался ещё день, но подходящая пара уже нашлась.

Аля невольно посмотрела на потолок. Ответ пришёл слишком быстро и слишком точно совпал с требованием брюнетки. Впрочем, в профиле были обычные фотографии из поездок и отзывы прежних хозяев. На одном снимке женщина смеялась, прижимая к груди бумажный пакет с выпечкой; на другом её спутник держал развёрнутую карту вверх ногами.

«Да, конечно. Буду рада вас принять».

Сообщение ещё можно было удалить, но Аля нажала отправку, переслала адрес и объяснила, как найти ворота. Получив благодарность и время приезда, она убрала телефон в карман и пошла готовить комнату.

Она перестелила постель, хотя бельё оставалось чистым, протёрла тумбочки, разложила полотенца. Проверяя ванную и замок на двери, задержалась с ключом в руке. Механизм работал исправно, но брюнетке это не помешало бы войти сквозь воздух, а мужчине — появиться у кровати. Всё же Аля положила ключ на тумбочку так, чтобы гости сразу его увидели.

Пока она готовила комнату, а затем ужин, ей хотелось потребовать хотя бы одного обещания: чтобы никто не умер и никому не сделали больно. Аля дважды останавливалась у подножия лестницы на чердак, собираясь позвать брюнетку, но так и не решилась. Услышать отказ было страшнее, чем продолжать надеяться.

К сумеркам ужин был почти готов. Гости позвонили от ворот, и Аля, пообещав сейчас выйти, выключила плиту. В зеркале прихожей мелькнуло непривычно свежее лицо. Утреннее омоложение скрывало и недосып, и тревогу; по её виду никто бы не догадался, как прошёл этот день.

Возле ворот стояла запылённая машина. Мужчина лет сорока доставал из багажника сумку, его спутница расправляла затёкшую спину и рассматривала дом.

— Добрый вечер! — сказала Аля. — Вы быстро нас нашли?

— Да, спасибо, вы всё понятно объяснили.

Женщина протянула руку и назвала себя, мужчина представился следом. Аля ответила и тут же поняла, что от волнения почти не запомнила имён. У гостьи чуть сгорел нос, на пальце её спутника виднелся след от недавно снятого кольца. После долгой дороги этим людям хотелось умыться, вытянуть ноги и поесть.

— Как у вас красиво и тихо, — сказала женщина, проходя по дорожке.

— Да, с этим здесь всё хорошо, — ответила Аля и открыла входную дверь.

Мужчина поставил сумку в прихожей и спросил, снимать ли обувь. Этот вопрос едва не заставил её рассмеяться.

— Как вам удобно. Проходите, я покажу комнату.

Он снова взял сумку, и они поднялись на второй этаж. В гостевой Аля показала полотенца и объяснила, где ванная. Женщина подошла к окну, мужчина поставил вещи на пол, подальше от светлого покрывала.

— Ключ на тумбочке, можете запереть дверь на ночь. Я приготовила ужин, так что спускайтесь, когда устроитесь.

— Спасибо, с удовольствием. Только руки вымоем.

Аля пошла накрывать стол на троих. Из гостевой доносился голос женщины: она что-то говорила мужу о саде. Тот отвечал вполголоса, возился с молнией сумки. Они устраивались на одну короткую ночь.

За ужином стало легче. Гости оказались разговорчивыми, без той назойливой общительности, от которой хочется уйти в соседнюю комнату. Они путешествовали по Европе на машине, выбирая небольшие дороги и городки. До Франции целый месяц ездили по Германии, теперь собирались добраться до Марселя, а потом возвращаться домой, в Карелию.

Мужчина открыл карту на телефоне и подвинул его к Але. Экран пестрел отметками.

— Вот здесь мы задержались на три дня. Думали, на один, но жена нашла озеро.

— А ты нашёл рыбака, с которым два часа разговаривал на смеси русского, немецкого и жестов, — заметила его спутница.

— Мы прекрасно поняли друг друга.

— Особенно когда он объяснял, что рыбу здесь ловить нельзя.

Аля невольно улыбнулась.

— Ничего себе маршрут. Вы уже пол-Европы объехали.

— Пока скромную половину, — ответила женщина. — Мы не торопимся. Когда ещё получится выбраться так надолго?

Они рассказывали о маленьком семейном кафе, которое едва не проехали, о ночлеге с невероятно скрипучей кроватью. Аля подкладывала еду и постепенно включилась в разговор. Ей нравилось, как они перебивают друг друга: без раздражения, с привычной уверенностью, что сейчас дадут договорить. Завтра утром они продолжат путь, будут спорить, где завтракать, фотографировать очередную башню. Пусть только так и будет.

— Вы давно здесь живёте? — спросила женщина. — Одной в таком доме не страшно?

— Недавно, ещё привыкаю. Иногда бывает страшно.

— Вам собаку надо, — уверенно сказал мужчина.

— Боюсь, обычной собаки здесь не хватит.

Гости засмеялись, и Аля улыбнулась вместе с ними. После ужина женщина предложила помочь с посудой, но хозяйка отказалась и проводила их до лестницы, объяснив, где включается свет в коридоре.

— Если что-нибудь понадобится, позовите меня, я напротив.

— Спасибо вам. Правда, очень выручили.

Она вернулась на кухню и принялась убирать, прислушиваясь к потолку. Наверху шумела вода, скрипели половицы. К тому времени, когда Аля закончила с посудой, голоса стихли.

В спальне она переоделась ко сну, оставила халат у кровати и положила телефон возле подушки. Выключив бра, долго лежала на спине, стараясь устроиться так, чтобы сразу встать, если в соседней комнате закричат. Что она тогда сделает? Побежит туда с настольной лампой? Позвонит в полицию и объяснит, что в комнате бесплатного ночлега завёлся демон? Но остаться лежать она бы не смогла.

Минут через сорок Аля накинула халат и вышла в коридор. Гостевая дверь была приоткрыта: ключом никто не воспользовался. Она остановилась сбоку, прислушалась и услышала храп. Он ненадолго прервался, скрипнула кровать, женщина сонно пробормотала что-то мужу. Тот затих, а потом захрапел снова, чуть тише.

Аля прижала ладонь ко рту. Хотелось и заплакать от облегчения, и рассмеяться над собой: она кралась по дому в ожидании кровавой расправы, а люди пытались выспаться. Вернувшись в постель, Аля ещё некоторое время смотрела в потолок. Храп не давал ответа на её вопросы, но сейчас ей очень нужно было принять его за добрый знак. В конце концов она уснула.

Следующим утром Аля проснулась без привычного рывка, чужих рук или прикосновения, задержавшегося на коже после сна. За окном шумели листья. Наконец-то ночь прошла спокойно.

Накинув халат и взяв телефон, она спустилась на кухню, поставила чайник и открыла окно. Лина больше не писала. Аля обещала позвонить ей ещё вчера, но за поиском гостей и тревогой перед ночью так и не набрала номер. После завтрака, когда путешественники уедут, откладывать уже будет не на что.

Она достала три чашки и как раз наливала себе кофе, когда на лестнице послышались шаги. Гости появились с сумками, уже одетые в дорогу.

— Доброе утро! — Аля обернулась. — Вы уже уезжаете? Я думала, позавтракаем вместе.

— Решили выехать, пока дороги свободнее, — ответил мужчина.

— Спасибо вам огромное, мы по пути остановимся, — добавила женщина. — Уже собрались, пока опять всё не растеряли.

— Хорошо спали?

— Замечательно, спасибо.

У Али отлегло от сердца. Она пожелала им хорошей дороги и пошла проводить до двери. Когда утреннее солнце легло женщине на лицо, улыбка исчезла.

У глаз гостьи собралась частая сеточка морщин, глубокие складки обозначили уголки рта. В тёмных волосах блеснула седая прядь, которой вчера не было. Мужчина как раз надевал тёмные очки, и Аля успела заметить тяжёлые веки и изменившуюся кожу. Оба выглядели лет на десять старше.

— У вас всё хорошо? — спросила женщина.

— А вы себя нормально чувствуете?

— Да. А что?

Гостья обернулась к мужу, тот с недоумением пожал плечами. Они смотрели друг на друга и, похоже, ничего не замечали, как Лина у зеркала.

— Вы ещё с дороги, я подумала, может, устали.

— Так мы же отдохнули! — Мужчина улыбнулся. — Спасибо вам за это.

Аля могла сказать про седину, попросить вернуться в прихожую и посмотреть в зеркало. Только Лина уже смотрела, перебирала волосы и не понимала, чего от неё хотят. Удерживать этих людей в доме ещё одной попыткой объясниться Аля не решилась.

— Вы и сами берегите себя, — сказала гостья. — С таким домом хлопот, наверное, полно.

Аля кивнула и осталась в дверях. Они прошли по дорожке, убрали сумки в багажник. Женщина помахала ей перед тем, как сесть, и вскоре машина скрылась за поворотом.

Закрыв дверь, Аля прислонилась к ней спиной. На кухне остывал кофе, рядом стояли две чистые чашки. Наверху ждала пустая комната, в которой всего за несколько часов произошло то, на что с Линой понадобилась неделя. Одной ночи оказалось достаточно. Безопасной короткой остановки она не придумала.

Аля закрыла рот ладонью. Услышала храп, решила, что всё в порядке, и крепко проспала до утра. В горле встал комок, но вместе со страхом поднималась злость. Она оттолкнулась от двери и пошла на кухню.

— Ты, чёртова сука! Я видела их лица! Вылезай и объясни, что вы с ними сделали!

В клетке зашуршал перепуганный хомяк. Аля запрокинула голову, глядя туда, где над перекрытиями прятался чердак, но ответа не было. Она открыла объявления в телефоне и на обеих площадках закрыла ближайшие даты для новых заявок. Пальцы дрожали, и она дважды промахнулась по нужной кнопке.

— Я выполнила ваше условие. Теперь ваша очередь отвечать.

В памяти возникли чёрная кожа, рога, тяжёлая поступь в спальне. Аля положила телефон на стол, но слов не забрала.

Брюнетка появилась рядом, зевнула, прикрыв рот ладонью.

— Какого хрена ты разоралась?

— Они постарели за ночь, как Лина за неделю. Я закрыла объявления и больше никого не приглашу, пока ты не объяснишь, что вы делаете с людьми.

— Сначала приведёшь ещё несколько гостей, потом я тебе всё объясню и покажу.

— Значит, я должна снова пустить к вам людей, даже не зная, что с ними будет? Я отказываюсь.

— Ты не откажешься, — спокойно сказала брюнетка. — Откроешь объявления и будешь принимать гостей.

Аля стиснула кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Брюнетке даже не требовалось повторять угрозы.

— Мне хотя бы нужно знать, что они не умрут, как только выедут из города.

— Перестань придумывать то, чего не видела. Лучше одевайся и иди за наградой. В табачном магазине принимают ставки, сегодня будут скачки. Поставишь полторы тысячи евро на двенадцатую лошадь в четвёртом заезде.

— Я у тебя про людей спрашиваю, а ты предлагаешь мне ставить на лошадь?

— А я тебе отвечаю про деньги. Ты ведь и их хотела.

Деньги ей были нужны. После покупки дома и ремонта полторы тысячи составляли почти весь резерв на срочные расходы. Теперь его предлагали поставить на лошадь по совету существа, отказавшегося объяснить, что произошло с гостями.

— А если она не выиграет? Откуда ты вообще знаешь, кто придёт первым?

— Выиграет. Я, по-моему, уже всё сказала.

Аля ненавидела этот тон, особенно за то, что он действовал: привычные язвительные ответы застревали в горле. Она отвела взгляд первой, и брюнетка довольно улыбнулась, прежде чем исчезнуть.

Ответа о людях Аля так и не получила. Зато теперь знала номер лошади.

Перед выходом она оделась, взяла со стола телефон и позвонила Лине. После того как сама выставила подругу из дома, продолжать прятаться за дела было бы совсем подло.

— Привет. Я видела, что ты долетела, но хотела услышать тебя. Как ты?

— Нормально, я же написала, — ответила Лина. По голосу ещё чувствовалась обида. — Ты сама-то как? Разобралась с ремонтом?

— Пока разбираюсь. Прости, что позавчера так тебя выпроводила, а вчера даже не позвонила.

— Ты могла просто сказать, что хочешь побыть одна. Зачем было ждать до последнего и выставлять меня чуть ли не с чемоданом в руках?

— Могла. Я очень плохо всё устроила, прости.

— Ладно, я уже дома.

В её голосе стало меньше холода. Лина рассказала, как долго ждала багаж, пожаловалась на духоту в дороге. Говорила привычно, иногда усмехалась. Аля стояла у окна в прихожей и цеплялась за каждую обыденную подробность. Ни жалоб на здоровье, ни испуга в этом рассказе не было.

— Ты точно хорошо себя чувствуешь? Я волнуюсь.

— Да, господи, Аль! Я живая, целая. Лучше сама отдохни. У тебя голос какой-то…

— Не выспалась.

Ложь далась особенно противно: она-то как раз выспалась прекрасно. Они поговорили ещё несколько минут. Перед тем как попрощаться, Аля пообещала снова позвонить, и Лина ответила уже без прежней сухости.

Подруга была дома, строила планы, сердилась на неё. Аля убрала телефон в сумку, проверила паспорт, банковскую карту и ключи. На кухне добавила хомяку корм и воду с запасом.

— Ты хотя бы никого не приглашай, пока меня нет.

Хомяк умывался на задних лапках и выглядел так, будто сомнительные знакомства заводила здесь исключительно хозяйка.

Аля заперла дом и пошла пешком до табачного магазина. Возле соседнего дома человек поливал цветы, по дороге проехал велосипедист. За воротами приказ о ставке уже не казался одним лишь продолжением угроз. Если лошадь выиграет, появятся деньги на другое жильё и переезд. Аля уже выходила из дома, ездила в магазины, провожала Лину. Мужчина якобы мог найти её и снаружи, но пока она знала это только со слов брюнетки.

«Ты не откажешься». Так говорят тому, чьего отказа не хотят допустить. Аля прибавила шагу.

В табачном магазине принимали ставки и подавали кофе. Над стойкой висел телевизор, посетители рассматривали таблицу участников и спорили о фаворитах. Аля уточнила номер заезда и нашла двенадцатую лошадь. Предварительный расчёт обещал восемнадцать евро на каждый поставленный. Она проверила сумму на телефоне: с полутора тысяч могло выйти двадцать семь тысяч евро.

Она пропустила вперёд двух покупателей, пока кассир не спросил, выбрала ли она ставку. Тогда быстро назвала заезд, номер лошади и сумму. Кассир переспросил, верно ли понял размер ставки; несколько человек обернулись. Аля почувствовала себя особенно умной: мало ей демонов в купленном доме, теперь ещё последние свободные деньги решила скормить лошади.

— Да, всё верно.

Получив квитанцию, она заказала кофе и села в дальнем углу так, чтобы видеть экран. Альке хотелось, чтобы бумага в её руках хотя бы выглядела на полторы тысячи евро.

Комментатор быстро перечислял участников. Аля узнавала отдельные французские слова и ловила номер двенадцать. Кофе принесли к старту, но она к нему не притронулась.

Лошади рванули из боксов, почти сразу сбившись в плотную группу. В баре заговорили громче, один из завсегдатаев поднялся со стула. Двенадцатый номер отстал уже на первом повороте. Рослый гнедой жеребец шёл позади, а впереди боролись шестой и девятый.

«Господи, какая же я дура».

Аля сжала квитанцию. Она отдала весь запас на срочный ремонт, лекарства и дорогу по указанию женщины, не назвавшей даже собственного имени. Хотелось уйти, не дожидаясь конца, но она осталась сидеть.

На последнем вираже девятый вильнул в сторону. Шестой потерял ритм, жокеи за ними натянули поводья, избегая столкновения, и по внутренней бровке открылся просвет. Туда ворвался двенадцатый.

Гнедой прибавлял с каждым движением. Обошёл одного соперника, второго и вышел вперёд. Комментатор выкрикивал его номер, люди вокруг уже стояли. Финишную черту двенадцатый пересёк первым, опередив ближайшего преследователя на корпус.

— Et c’est le douze!

В баре кто-то выругался. Мужчина у стойки всплеснул руками, его сосед сердито засмеялся. Аля смотрела повтор последних секунд и чувствовала, как дрожат колени. Брюнетка не солгала про лошадь. Если она могла знать такое заранее — или устроить победу, — что мешало ей с той же уверенностью говорить обо всём остальном?

Когда результат подтвердили, у стойки ей назвали сумму: двадцать семь тысяч евро. Объяснили порядок получения крупного выигрыша. Пришлось достать паспорт, ответить на вопросы, оформить бумаги. Аля слушала внимательнее, чем при покупке дома: сейчас ей хотелось понять каждую деталь.

Ожидание заезда и оформление бумаг заняли большую часть дня. Выигрыш не превратился сразу в пачки купюр, но был подтверждён и оформлен на её имя. Аля сложила документы в сумку, отдельно от смятой квитанции. На гостиницу и такси хватало и оставшихся денег, а впереди можно было позволить себе гораздо больше одной ночи вне дома.

На улице Аля решила, что сегодня не вернётся. Брюнетка предложила деньги, и она их взяла, но снова открывать объявления не собиралась. Угроза оставалась; Аля помнила её слишком хорошо. Однако вернуться означало заранее согласиться приводить следующих гостей.

Она нашла свободный номер, проверила стоимость и вызвала такси до гостиницы. Одежда и чемодан подождут. Хомяку оставлены корм и вода; если ночь пройдёт спокойно, завтра она вернётся днём за клеткой и вещами. Возможно, попросит кого-нибудь сопроводить её. Сначала нужно было проверить, сможет ли она уснуть в другом месте.

Аля села в подъехавшую машину и назвала гостиницу. Водитель спросил, не слишком ли сильно работает кондиционер. Она ответила, что всё хорошо, и откинулась на сиденье. За окном проплывали знакомые улицы, терраса кафе, люди с покупками. Сегодня она никого не приведёт в дом.

К гостинице они добрались под вечер. Аля получила ключ, поднялась на лифте и вошла в номер. Здесь пахло чистым бельём и кофе. У стены стояла небольшая кровать, рядом — стол и телевизор; ванная закрывалась обычной дверью. За стеной негромко разговаривали люди.

Она опустила сумку на стол, проверила замок и прошла по комнате. Потёртость возле выключателя оставалась потёртостью, шум в трубах — шумом в трубах. За дверью кто-то засмеялся и пошёл к лифту. Пока всё было обыкновенным, но проверить угрозу можно было только во сне.

Аля запомнила номер для связи с администратором, положила телефон возле подушки и приоткрыла шторы, чтобы утром в комнате сразу было светло. Затем долго стояла под душем, опираясь ладонями о стену. Когда вышла, за окном уже темнело.

Она поела, ответила на несколько обычных сообщений и ещё раз проверила подтверждение выигрыша. Письма с площадок путешественников не открывала: часть запросов успела прийти до того, как она закрыла даты. Сейчас эти письма означали чужие лица, которым она не хотела придумывать оправданий.

Освободив стол, Аля поставила сумку у стены и легла. На экране телевизора спорили участники французского ток-шоу. Она почти не понимала, из-за чего шум, но человеческие голоса помогали. Аля повернулась на бок и натянула одеяло до плеч, представляя обычное утро: завтрак, звонок нотариусу, возвращение за хомяком. Потом она найдёт квартиру подальше отсюда, и всё это останется кошмарным, но закончившимся отрезком жизни.

Постепенно слова из телевизора начали расплываться. Последняя ясная мысль касалась телефона: он рядом, если понадобится — сразу дотянется. Аля уснула.

Мужчина стоял перед ней на коленях. Его губы коснулись пальцев её ног и медленно поднялись выше, по голени к бедру. Знакомое начало сна. Вчера она подалась бы ему навстречу, не задумываясь, но сейчас в прикосновениях чувствовалось что-то чужое. От них тело напрягалось вместо того, чтобы расслабиться.

Он поднял голову. Лицо оставалось в темноте. Глаза Аля увидела сразу. Ярость.

Она попыталась отодвинуться, но его рука уже сомкнулась на шее. Пальцы сжались, перекрывая дыхание. Аля вцепилась в запястье, дёрнулась, беззвучно раскрыла рот. Другой рукой он сорвал с неё бельё и грубо вошёл в неё. Боль заставила выгнуться. Он продолжал двигаться, удерживая её за горло; с каждым движением становилось больнее, словно тело не могло вместить его.

Аля пыталась закричать. Из пережатой гортани вырывался только хрип. Пальцы скользили по его руке, перед глазами вспыхивали красные точки. Она смотрела ему в лицо и уже ничего не могла сказать. Только просила взглядом прекратить.

Хватка внезапно ослабла. Аля судорожно вдохнула. Он навис над ней, не позволяя отстраниться.

— Если ты немедленно не вернёшься в дом, — произнёс он, — то, что было сейчас, покажется тебе самым сладким удовольствием по сравнению с тем, что тебя ждёт.

Она проснулась с хрипом. Телевизор продолжал работать. Теперь на экране шла реклама. У стены стояла её сумка, из-под шторы пробивалась узкая полоска утреннего света.

Аля села, задыхаясь. Каждый вдох обрывался, хотелось вдохнуть ещё глубже. Она схватилась за горло и тут же отдёрнула руку от боли. Низ живота саднило. Это не исчезло вместе со сном.

Она медленно спустила ноги с кровати. Дождалась, пока перестанет темнеть в глазах, и поднялась, держась за край стола. В ванной включила свет, плеснула водой в лицо и подняла голову.

Из зеркала смотрела незнакомая пожилая женщина. Аля узнавала линию губ, глаза, форму подбородка, но кожа обвисла, под глазами залегли глубокие борозды. Волосы у лица посеребрила седина. За одну ночь у неё отняли недавнюю свежесть и прибавили годы, которых она ещё не прожила. Теперь ей можно было дать лет пятьдесят.

Аля поднесла руку к щеке, и отражение повторило движение. Ниже, на шее, темнели широкие багровые следы пальцев, переходящие в синеву. Она осторожно коснулась одного и поморщилась: во сне рука сжимала её именно здесь.

— Нет, этого не может быть…

Она придвинулась к зеркалу, словно вблизи можно было увидеть ошибку. Позавчера Аля рассматривала молодое лицо и не могла поверить удаче. Теперь не верила тому, что он забрал подаренное и, судя по отражению, взял ещё.

Аля закрыла кран и прислушалась. За стеной кто-то включил душ, по коридору прокатили тележку. Помощь была близко: достаточно открыть дверь или поднять трубку. Она вернулась к кровати и взяла телефон.

Следы удушения можно показать, боль — объяснить. Но как удержать того, кто приходит во сне и исчезает до пробуждения? Даже среди людей, даже в другом месте рано или поздно она снова закроет глаза. Он велел вернуться немедленно, и теперь у этой угрозы были следы на коже.

Аля открыла вызов такси.

Натянув одежду, Аля расправила ворот, пытаясь прикрыть шею, и убрала телефон в сумку к паспорту и документам о выигрыше. Бумаги остались на месте. Двадцать семь тысяч евро никуда не исчезли; просто за ночь выяснилось, что купить на них свободу не получится.

У стойки регистрации Аля отвечала коротко, стараясь не поднимать лица. Администратор спросил, всё ли в порядке. Она сказала, что плохо спала, и попросила закрыть счёт.

До такси дошла сама. Всю дорогу сидела с прямой спиной, глядя на переднее сиденье. На предложение открыть окно отрицательно покачала головой. Вчера она ехала прочь от дома и перебирала будущие адреса, сегодня считала повороты до знакомых ворот.

Особняк выглядел по-прежнему. Аля прошла по дорожке, которой накануне уходили гости, отперла дверь и вошла. Связка ключей со стуком упала на столик в прихожей.

Брюнетка появилась почти сразу. Оглядела её с головы до ног, задержалась взглядом на шее и снова посмотрела в лицо.

— Ну что, проверила? Теперь поняла, что от нас некуда бежать?

— Ты знала, что он сделает, — хрипло выговорила Аля.

— Я предупреждала. Ты решила проверить, он объяснил.

Вчера Аля требовала от неё ответов. Сейчас для крика не хватало ни голоса, ни сил, но от этих спокойных слов злость стала почти осязаемой.

— Хорошо у вас с объяснениями.

— Он мог переломать тебе кости, разорвать изнутри. Считай, что отделалась предупреждением. Теперь тебе придётся быть хорошей девочкой, если хочешь вернуть свою красоту.

— А если мне нужно вернуть своё тело?

— Это зависит от тебя.

Аля отвернулась. Ещё немного — и сказала бы что-нибудь, за что заплатит новым уроком. Она слишком ясно представляла цену, чтобы продолжать спор.

— Иди проверь почту, — велела брюнетка. — Тебе оставили заявки, люди хотят переночевать в твоём доме.

Аля вспомнила письма, которых вчера так и не открыла. Брюнетка кивнула в сторону лестницы и усмехнулась.

— Не стой столбом, Алька. У тебя работа.

Наверху ждали компьютер, две гостевые спальни и чистое бельё в шкафу. Аля взялась за перила и начала подниматься.

Глава 8
Чужие желания

На экране действительно ждали два письма. Аля поставила сумку возле стола, вынула телефон и села. Студентка путешествовала одна и искала комнату на сегодняшнюю ночь. Мужчине из второго письма тоже требовалось остановиться до утра.

«Да, конечно. Буду рада вас принять».

Аля перечитала ответ. В первый раз это ещё была попытка убедить себя, что всё обойдётся. Теперь она отправляла приглашение, зная, с какими лицами эти люди уедут. Она скопировала фразу во второй диалог, сообщила адрес и уточнила время приезда. Телефон звякнул благодарностью, и Аля перевернула его экраном вниз.

Мужчине больше не требовалось стоять над ней. Она вернулась, ответила на письма и теперь шла готовить две постели.

В комнате первой пары на подушке ещё виднелась вмятина. Женщина аккуратно расправила полотенце на крючке в ванной, позаботившись о хозяйке. Аля отнесла его в стирку вместе с использованным бельём, но заправить кровать сразу не смогла: стоило натянуть один угол простыни, как сползал другой.

— Да ложись ты уже, зараза.

Ещё в гостинице она надеялась выбраться отсюда, а теперь застилала постели новым гостям.

Закончив, Аля проветрила обе спальни, протёрла пыль и приготовила полотенца.

В зеркале ванной отражалось постаревшее лицо. На шее темнели отпечатки пальцев, и Аля уже не надеялась, что они исчезнут, стоит ей моргнуть. Она нашла в шкафу лёгкий платок и прикрыла синяки. С лицом сделать ничего не получилось.

Ни Лина, ни первая пара не замечали собственного старения. Может быть, приезжие увидят совсем другую хозяйку, но Аля не знала, распространялось ли это на неё. Встречать незнакомцев вопросом, на сколько лет она выглядит, не хотелось.

День прошёл за уборкой и готовкой. Она нарочно выбирала занятия, в которых ничего не нужно было решать: стирала, развешивала бельё, чистила овощи к ужину. Когда проходила мимо клетки, хомяк высунулся из домика и потянул носом.

— Да, я тоже не рассчитывала так быстро вернуться.

Она проверила воду и корм и протянула ему кусочек. Лапки сомкнулись на еде с деловой уверенностью. Здесь хотя бы не требовали хорошего поведения в обмен на ужин.

Первой к вечеру приехала девушка лет двадцати пяти. Она вышла из автомобиля с рюкзаком и дорожной сумкой, посмотрела на фасад и открыто улыбнулась:

— Здравствуйте. Я вам писала.

— Да, помню. Проходите, я как раз приготовила ужин.

Гостья назвала имя, но по дороге к дому Аля уже забыла его и не стала переспрашивать. Разговор первой пары о дороге до Марселя всё ещё стоял в памяти. Где они сейчас? Мужчина по-прежнему смеётся над своей встречей с немецким рыбаком? О новых гостях хотелось знать как можно меньше.

Девушка с облегчением сняла рюкзак на кухне. Аля предложила ей воды и поставила тарелку, радуясь возможности заняться едой вместо разговора.

Через четверть часа приехал мужчина лет тридцати пяти, выглядевший старше, чем на фотографии в профиле. Он вошёл с дорожной сумкой через плечо, поздоровался с девушкой и принял стакан воды. Когда она закончила есть, Аля предложила:

— Давайте сначала покажу комнаты. Оставите вещи, а потом сможете спокойно поужинать. Кухней можно пользоваться, чай и чашки я покажу.

Они забрали сумки и поднялись за ней. Каждому досталась отдельная спальня; Аля показала ванную и выключатели.

— Вы, кажется, простыли? — спросила девушка.

— Голос сорвала. Ничего страшного.

— Тогда не будем вас беспокоить, отдыхайте.

Аля поблагодарила её. Другого ответа человеку, которого она сама пригласила в этот дом, не нашлось.

Внизу она показала гостям, где всё лежит, и сослалась на усталость. Мужчина уже спрашивал девушку, откуда та едет, когда Аля вышла из кухни.

По пути к себе она забрала телефон из кабинета. В спальне закрыла дверь, развязала платок и положила телефон на тумбочку. Ни читать, ни работать не могла. Снизу доносились голоса и звон посуды. Гости нашли общий язык, и ей не придётся узнавать, кто ждёт их дома. Людьми они от этого быть не переставали.

Позднее на лестнице послышались шаги. Гости пожелали друг другу спокойной ночи, закрылись две двери. Аля легла поверх покрывала и включила бра. После гостиницы тяжесть век пугала: она опять засыпала и ничего не могла с этим сделать. Свет на стене постепенно расплылся.

Брюнетка стояла перед ней и улыбалась.

— Ты ведь хотела узнать, что здесь происходит? Идём. Покажу.

Аля не успела ответить. Пространство дрогнуло, и они оказались в гостевой спальне.

Девушка лежала на белых простынях, широко раздвинув бёдра. Между её ног склонился мужчина. Его язык двигался быстро и ритмично, вылизывая её; гостья стонала, зарыв пальцы в его тёмные волосы и прижимая его лицо к себе. Аля замерла возле кровати.

Потом он приподнялся и вошёл в девушку глубоким толчком. Та выгнулась, вцепилась в него, и её стоны стали громче. Оргазмы следовали один за другим; едва тело переставало дрожать, новая волна заставляла её снова прогнуться ему навстречу.

Аля смотрела и против воли вспоминала собственные сны. Не гостиничный кошмар — то, что было раньше. Прикосновения, после которых исчезали все мысли. Удовольствие, которого она не знала с живыми мужчинами.

Ей захотелось оказаться на месте девушки. Это желание ударило так неожиданно, что Аля почти отступила. Ещё днём она с трудом наклонялась над чужой кроватью. На шее оставались следы его руки. Она знала, чего он способен потребовать и как наказывает за отказ. А тело всё равно отозвалось.

У мужчины появился второй член. Он вошёл в девушку сзади, одновременно заполняя её в двух местах. Гостья вскрикнула и застонала ещё громче, судорожно сжимая простыню.

По телу Али прокатилась волна возбуждения. Брюнетка перехватила её подбородок, повернула к себе и поцеловала — глубоко, требовательно. Аля на мгновение ответила, потеряв нить собственных мыслей. Потом оторвалась от её губ и снова посмотрела на кровать.

Мужчина повернул голову. Его глаза остановились на Але. В них была та же ненависть, которую она видела в гостиничном сне.

Возбуждение оборвалось страхом. Она дёрнулась назад, пытаясь уйти из-под этого взгляда, — и открыла глаза. Собственная спальня. Утренний свет. Аля задыхалась, но руки на горле не было.

На соседней подушке потягивалась брюнетка, словно провела здесь всю ночь.

— Ну что, понравилось?

Аля села. Женщина смотрела слишком понимающе, чтобы можно было скрыть от неё увиденное или собственную реакцию.

— Ты обещала объяснить, что происходит с людьми. Что будет с этой девушкой?

— Встанет и уедет, как остальные. А тебе было интересно, не отпирайся.

Обсуждать с ней своё желание Аля не собиралась, тем более позволять превращать его в оправдание происходящего. Брюнетка несколько секунд изучала её и кивнула на ванную:

— Иди посмотри на себя. Тебе вернули часть лет, считай авансом за послушание. Если захочешь стать ещё моложе, придётся делить постель с ним, не со мной.

Аля вспомнила, как мужчина оттолкнул брюнетку в прежнем сне, а этой ночью прервал их поцелуй одним взглядом. Даже занятый другой женщиной, он не оставлял её в покое.

— Он и это решает?

— Иди в ванную, Алька.

В зеркале было знакомое лицо: обычные тридцать восемь, привычная кожа, небольшая складочка, которую Аля едва не приветствовала вслух. Она больше не видела ни той невозможной молодости, которой успела обрадоваться до бегства, ни женщины за пятьдесят из гостиничного зеркала. Седина ушла, но на шее по-прежнему темнели синяки.

Хотелось спросить, почему не убрать и это. Неужели мало того, что она вернулась и выполнила всё, чего от неё требовали? Но просить стереть следы означало снова идти к ним за милостью. Аля умылась и повязала платок. Когда вышла, брюнетки на кровати уже не было.

Утром гости уехали по отдельности. Мужчина торопился в дорогу, бодро двигался и выглядел старше, чем накануне. Девушка перед выходом попросила наполнить бутылку водой. Отдавая её, Аля заметила новые морщинки у глаз.

— Я так хорошо выспалась. Спасибо вам.

Ни один не спросил о своём состоянии. После Лины и первой пары она уже ожидала этого, но смотреть в лицо гостье всё равно было тяжело.

Аля закрыла за ними дверь. Все считали её заботливой хозяйкой. Если выслушать обе стороны, версия постояльцев наверняка показалась бы убедительнее: красивый дом, чистые постели, отличный сон. Жалуется только женщина, которая сама их пригласила.

В кабинете она открыла профиль и увидела отзыв первой пары. Пять звёзд, благодарность за ужин и чистоту; особенно понравилось, что здесь спокойно и защищённо, почти как дома. Чуть позже написала девушка: похвалила деликатную хозяйку, которая не навязывала разговоров. Мужчина был немногословнее, но тоже остался доволен.

Аля перечитала отзывы. Она спряталась в спальне, потому что не могла смотреть им в глаза, а это назвали ненавязчивым сервисом. Ещё немного, и ей дадут премию за гостеприимство.

Отключённые позавчера заявки пора было открыть: брюнетка ждала гостей снова, мужчина уже показал, чем закончится отказ. Аля вернула возможность написать о ночлеге на ближайшие дни и занялась работой. За час трижды перечитала один абзац, ответила клиенту и только тогда увидела новый запрос. Следом пришли другие. Люди находили дом по фотографиям и отзывам; одни спрашивали о следующей неделе, другим требовалась комната уже сегодня.

Она выбрала письмо двадцатишестилетней женщины, путешествовавшей через их город, и пригласила её к вечеру. Отправив адрес и уточнив время, открыла следующий запрос.

Имя Марка заставило её остановиться. Пока фотография оставалась маленькой, ещё можно было надеяться на совпадение. Аля открыла профиль и узнала его лицо.

Когда-то она любила этого человека так, что весь остальной мир приходилось размещать вокруг него. Потом долго училась жить иначе: не возвращаться к прежним разговорам, не искать знакомого выражения в чужих лицах, не придумывать случайные встречи. А он написал ей три вежливые строчки:

«Здравствуйте! Сегодня буду проезжать через ваш город. Нашёл объявление и хотел спросить: можно ли остановиться на одну ночь?»

Он, похоже, не узнал её. В профиле были только дом, комнаты и сад, а по имени хозяйки Марк не догадался, кому пишет.

— Только не ты… — Аля отодвинулась от стола.

Она уже представляла его с тяжёлыми веками, глубокими складками и седыми волосами. Утром он поблагодарит её и уедет, как все.

Отказать можно было одной фразой: комнаты заняты. В почте хватало других запросов, и даже условие о мужчине и женщине нарушать не придётся. Алю замутило от облегчения. Значит, она просто выберет незнакомого, чья седина будет мучить её меньше.

Она вернулась к клавиатуре. Сейчас нужно было не дать Марку приехать.

На чердаке скрипнула половица, а над самым ухом произнесли:

— Ну же, чего ты ждёшь? Отвечай.

Аля дёрнулась и ударилась локтем о край стола. Брюнетка стояла у её плеча, рассматривая фотографию.

— Хватит так появляться!

— Очень приятный мужчина.

— Не трогай его. Ты знаешь, что он для меня значит. Здесь есть другие письма, я отвечу кому-нибудь ещё.

— Сегодня приедет этот. Он мне нравится.

Аля встала, отодвинув стул.

— А мне не нравится. Я не отказываюсь выполнять ваше условие, я прошу оставить одного человека в покое.

Женщина посмотрела на платок у неё на шее.

— Ты уже привела людей, которых любишь. Почему этот должен стать исключением?

Она имела в виду Лину.

— Я тогда не знала.

— Теперь знаешь, — ответила брюнетка и наклонилась к компьютеру.

Аля потянулась закрыть страницу, но женщина перехватила её запястье. Боли не было, но вырвать руку Аля не могла. Другой рукой брюнетка набрала:

«Здравствуйте, Марк. Конечно. Буду ждать вас сегодня».

Она отправила ответ и отпустила Алю. Приглашение ушло из её профиля, под её именем.

— Я отменю. Напишу, что ошиблась.

Брюнетка накрыла ладонью клавиатуру.

— Нет, Алька. Будешь готовить комнату.

В переписке появился ответ: Марк благодарил и обещал приехать примерно к семи. Женщина убрала руку и улыбнулась, дождавшись, пока Аля поднимет глаза.

Хотелось ударить её, хотя бы раз стереть с красивого лица эту уверенность. Аля сцепила руки за спиной, удерживая себя.

— Уходи.

На удивление, брюнетка исчезла. Аля осталась у стола, затем открыла сохранённую копию плана, присланного из архива. На старой схеме нижние помещения соединял проход, которого не было на позднем чертеже. Она собиралась выяснить, что здесь перестраивали, а не разобралась даже с собственным вторым этажом. Аля закрыла файл. До семи оставалось несколько часов.

Готовить комнату Марку оказалось тяжелее, чем прежним гостям. Она помнила, что он не любит высокие подушки и по утрам ищет телефон, хотя вечером оставляет его на одном и том же месте. Память услужливо подсказывала, как устроить ему хороший отдых, будто они расстались вчера. Аля достала подушку пониже, выругалась и всё-таки положила её на кровать.

Потом готовила ужин, то и дело поглядывая на часы. Около шести написала приглашённая женщина: планы изменились, сегодня до города она не доберётся. Извинялась за позднюю отмену.

Аля испытала короткое, почти болезненное облегчение: хотя бы для неё ночь пройдёт без последствий. Потом вспомнила условие о двоих и написала двум путешественницам, спрашивавшим о сегодняшнем вечере. Одна уже нашла ночлег, вторая не отвечала. Она включила на телефоне звук погромче и оставила его на кухонном столе. Теперь оставалось ждать Марка и надеяться, что чужую отмену ей не припишут как новый бунт.

Без пяти семь у ворот остановилась машина. Аля услышала, как хлопнула дверца, но выйти из кухни смогла только после второго звонка.

Она столько раз представляла случайную встречу с Марком. В тех выдуманных встречах всегда успевала подобрать слова, спокойно улыбнуться и показать, что её жизнь сложилась прекрасно. Ни в одной не приходилось отдавать его женщине с чердака.

Аля поправила платок и открыла дверь. Марк стоял на крыльце с дорожной сумкой, чуть склонив голову вправо. У висков появилось немного седины, под глазами залегла усталость. Он начал улыбаться незнакомой хозяйке, но улыбка дрогнула.

— Алька? Так это к тебе я напросился на ночлег?

— Привет, Марк. Адрес ты нашёл правильно, я теперь здесь живу.

Он поставил сумку, обнял её и поцеловал в щёку.

— Вот уж не думал, что встречу тебя здесь. Весь этот дом твой?

— Я его купила, но пока хлопот с ним больше, чем радости. Один ремонт чего стоит.

Марк рассмеялся, подхватил сумку и прошёл в прихожую.

Она провела его на кухню. Марк оставил сумку возле стула и с облегчением согласился поужинать. Ехал в Испанию по работе, был в пути со вчерашнего дня и устал, несмотря на остановки.

— Давно слышал про такой ночлег, а попробовать не доводилось. Открыл карту, нашёл удобное место. У тебя ещё и отзывы прекрасные.

— Да, отзывы у меня теперь хорошие.

— По фотографиям разве поймёшь? Дом и дом. Если бы увидел тебя, написал бы совсем иначе.

В его голосе прозвучала прежняя интонация. Когда-то из-за неё Аля могла весь вечер разбирать обыкновенную фразу, пытаясь понять, что он хотел сказать.

— Ну, зато сюрприз получился.

Ей хотелось увести его к машине и сказать, что здесь нельзя спать. Пусть сочтёт странной или больной, лишь бы уехал. Но после сцены у компьютера она слишком хорошо знала, что отменить приглашение ей не позволят.

— Ты какая-то тихая, — заметил Марк.

— Устала и голос сорвала.

— Не буду долго мучить разговорами.

— Ты ешь. От тебя ещё тарелка не устала.

Он усмехнулся и вспомнил общего знакомого, которого недавно встретил. Аля спросила, как тот устроился. За одним именем потянулось другое, всплыла университетская история, и они оба рассмеялись. Она помнила случай иначе; Марк возмущался, доказывал свою правоту, а Аля подсказывала подробности, которые он предпочёл бы забыть.

На несколько минут она перестала думать о доме. Марк узнавал истории с первых слов и заранее улыбался. Аля смеялась по-настоящему, пока взгляд не падал на часы.

О самих себе они не говорили. Стоило приблизиться к тому, кто первым ушёл и чего не сказал, один называл следующего знакомого, а другой охотно подхватывал.

Звякнул телефон. Вторая путешественница тоже нашла ночлег, и Аля положила аппарат обратно на стол, стараясь скрыть тревогу.

— Ты ждёшь кого-то ещё?

— Собиралась принять женщину, но у неё изменились планы.

— Часто у тебя так?

— Я недавно начала, пока набираюсь опыта.

Он принял её тон за иронию и улыбнулся. Они ещё посидели за чаем, но Марк всё чаще зевал, и Аля встала.

— Пора спать. Ты уже держишь чашку из одного упрямства.

Она забрала телефон и проводила его наверх. Показала ванную, полотенца и гостевую. Марк поставил сумку у стены и посмотрел на кровать с таким облегчением, что Аля отвернулась к окну.

— Утром можешь не торопиться, позавтракаешь перед дорогой.

— Спасибо, Аль. Правда, очень рад, что попал к тебе.

У двери он задержался, словно собирался что-то добавить, но только пожелал спокойной ночи. Аля ответила и пошла к себе.

День, которого она боялась, закончился. Она оставила телефон на тумбочке, сняла платок, разделась и легла. Снова собиралась не спать, но усталость уже наливала тяжестью руки и ноги. Перед тем как уснуть, вспомнила о низкой подушке. Всё-таки позаботилась, чтобы ему было удобно. От этой мысли стало так больно, что Аля отвернулась к стене.

Она стояла в его комнате.

На краю кровати сидела брюнетка, закинув ногу на ногу. Перед ней, на коленях, был Марк. Его руки стягивала за спиной верёвка.

Аля шагнула вперёд и остановилась. Он смотрел на женщину снизу вверх с обожанием. Не пытался освободиться, не отводил глаз. Ждал.

— Лижи мои туфли, сука, — приказала брюнетка.

Марк наклонился и припал губами к обуви. Жадно провёл языком по гладкой коже, по каблуку. Аля смотрела, не веря, что это тот самый человек, который несколько часов назад сидел напротив неё за кухонным столом.

Женщина поднялась. В её руке появилась тонкая плеть. Первый удар пришёлся Марку по обнажённой спине. Он вздрогнул и застонал. Следом опустился второй, потом третий.

— Перестань! — Аля бросилась к ним. — Хватит!

Брюнетка повернула голову. Марк даже не оглянулся. Он не слышал её.

— Не перестану.

Плеть снова свистнула. По телу Марка прошла дрожь, он подался ближе к женщине.

На его шее возник широкий кожаный ошейник с цепью. Брюнетка взяла поводок, потянула на себя. Верёвка на запястьях ослабла и исчезла, позволяя ему опереться на руки. Он двинулся за ней на четвереньках.

Аля остановилась.

— Ты не видишь, что ему нравится? — спросила женщина. — Он сам пожелал этот ошейник. Всё это — его фантазия.

Аля посмотрела на Марка. Ей хотелось назвать его по имени, заставить поднять голову, спросить самому. Но он видел только брюнетку.

На нём исчезло бельё. Член был напряжён, дыхание сбилось. Женщина указала носком туфли на свою щиколотку.

— А теперь подрочи на мою ножку, пёсик. Быстро.

Марк выпрямился на коленях и принялся мастурбировать, не отрывая взгляда от её ноги. Кончил почти сразу, содрогнувшись всем телом. Сперма попала на щиколотку и ступню.

Брюнетка схватила его за волосы, прижала лицом к своей ноге.

— Слизывай всё до капли, собака.

Он покорно принялся слизывать семя с её кожи.

Аля стояла рядом и не знала, куда смотреть. Ошеломление мешалось с чувством, которому она не сразу нашла название. Она увидела что-то глубоко личное. То, чего Марк ей никогда не показывал, о чём они не говорили, хотя когда-то были близки. И он не знал, что она здесь.

Брюнетка подняла на неё глаза.

— Тебе пора уходить, Алька. То, чего он пожелает дальше, твоя нежная психика вряд ли выдержит.

Комната исчезла прежде, чем Аля успела ответить.

Аля открыла глаза. За шторами светлело, рядом была тумбочка с лампой. Она лежала под смятым одеялом, всё ещё видя Марка на коленях, когда на соседней половине постели устроилась брюнетка.

— У тебя своей кровати нет? — спросила Аля. — Я начинаю думать, что тебя выдают вместе с утренним светом. Открываешь глаза — и вот, обязательная комплектация.

Женщина усмехнулась и подложила руку под голову. Аля села.

— Объясни мне, что было с Марком. Я видела тебя с плетью и его на коленях. Остальное ты собираешься рассказать?

— У людей есть тайные желания, Алька. Иногда совсем не похожие на то, что они позволяют себе днём. Не каждый решится признаться даже любимому человеку, чего на самом деле хочет. Всё, что ты увидела, было его желанием.

В памяти Марк оставался уверенным и привычным. Возможно, она знала лишь ту часть его жизни, которую он хотел показать. Но из этого ещё не следовало, что брюнетка говорит правду обо всём.

— А студентка? Ваши возможности тоже менялись под её желание?

— Во сне возможно гораздо больше, чем ты привыкла представлять. Тело не обязано подчиняться всем ограничениям яви.

Аля вспомнила увиденное в гостевой и собственную мгновенную зависть.

— Значит, вы даёте человеку то, чего он хочет, а потом забираете годы.

— У удовольствия есть цена.

— О которой они не знают. Марк просил комнату на ночь, а не сон за десять лет жизни.

— Он получил то, чего желал.

— Ты опять отвечаешь на другой вопрос. Человек может захотеть чего угодно и передумать, когда узнает цену. Вы даже не даёте ему её узнать.

Женщина прищурилась, и Аля испугалась, но замолкать на полуслове уже не собиралась.

— А ты дала ему чистую постель и хороший ужин.

— Ты сама отправила приглашение и не дала мне его отменить. Я просила тебя его не трогать.

Аля почувствовала, как вспыхнули щёки.

— Почему Марк меня не слышал? Я просила объяснить, что вы делаете с людьми, а ты заставила меня смотреть на то, чего он мне никогда не показывал.

— Это был его сон. Ты смотрела, но он не приглашал тебя в свою фантазию. Ты хотела знать, что здесь происходит, и я тебе показала.

— И то, что было в гостинице, ты тоже назовёшь моим желанием? — Она коснулась шеи. — Я хотела уйти. Вот чего я тогда хотела.

Брюнетка перестала улыбаться и посмотрела на её руку.

— Ты ушла, хотя тебя предупреждали. Он пришёл вернуть тебя в дом.

— Я спрашиваю не зачем он пришёл, а почему мой отказ для вас ничего не значит.

Женщина села, скрестив ноги. Насмешка исчезла с её лица, уступив пристальному вниманию.

— Почему ты видишь их постаревшими?

— Потому что они стареют. Ты только что сама сказала, что забираете годы.

— Остальные этого не видят. Для себя и других людей они остаются прежними. Друзья, родственники, прохожие ничего не замечают.

Аля вспомнила Лину у зеркала, первую пару, спокойные голоса и благодарности в отзывах. Она пыталась добиться от этих людей подтверждения того, чего они не могли увидеть.

— Значит, седину и морщины вижу только я? Но годы вы всё равно забрали?

— Ты видишь отнятые годы там, где обычный человек их не различает. Потеря от этого никуда не делась.

На мгновение Аля почти позволила себе обрадоваться. Захотела услышать, что ошиблась и никто ничего не потерял. Теперь надежда исчезла.

— А я? В гостинице я выглядела на пятьдесят. Что видел администратор?

— Я не знаю, что он увидел. Ты замечаешь то, чего другие люди не видят, и я пока не понимаю почему.

Брюнетка изучала Алю так, словно за знакомым лицом обнаружилось неожиданное, и от этого не становилось спокойнее.

Аля вспомнила первые голоса на чердаке. Один сказал, что она их слышит, другой спросил почему.

— Вы и раньше не понимали, ещё до гостей.

— Что именно ты слышала?

До сих пор женщина сама распоряжалась объяснениями, выдавала их по одному и требовала за каждое послушания. Рассказывать ей всё сразу расхотелось.

— Вы говорили обо мне.

Брюнетка долго смотрела ей в глаза. За дверью скрипнула половица: Марк, должно быть, проснулся. Скоро он придёт завтракать, и Аля увидит его лицо таким, каким не увидит никто из знакомых.

— Почему я?

Женщина медленно покачала головой.

— Вот это, дорогая Алька, мне и самой чертовски хочется выяснить.

Глава 9
Цена защиты

Брюнетка продолжала смотреть на Алю. На её лицо постепенно возвращалось прежнее выражение ленивой насмешки, словно недавнюю растерянность следовало поскорее спрятать.

— Довольно вопросов на сегодня. Тебя тоже ждёт поощрение от него.

— Только не он. Я не хочу повторения того, что было в гостинице.

— Не дрожи раньше времени.

Женщина протянула руку. Аля отшатнулась, но веки уже смыкались помимо её воли, а одеяло стало таким тяжёлым, что выбраться из-под него не получалось.

— Подожди… — Она пыталась удержаться за очертания лица брюнетки, пока не исчезло и оно.

Аля стояла в незнакомой комнате, погружённой в полумрак. На ней не было одежды.

Из тени вышел мужчина. Высокий, широкоплечий, с тем же неразличимым лицом. Он медленно обошёл её, и ладонь скользнула по коже — тёплая, тяжёлая, неожиданно приятная. Аля задержала дыхание.

Пальцы поднялись к груди, коснулись соска. По телу разошлось желание. Она попыталась разглядеть его, заглянуть под пелену, скрывавшую черты, но тьма колыхнулась вместе с его движением.

Пространство качнулось. Аля лежала на широкой кровати.

— Будь осторожна со своими фантазиями, — произнёс он возле её уха.

Она не успела спросить, что это значит. Он развёл её бёдра и склонился между ног. Язык двигался ритмично, уверенно, лаская её так, что уже через несколько мгновений Аля вцепилась пальцами в простыню.

Потом её руки сами потянулись к его волосам. Она прижимала его лицо к себе, не желая, чтобы он отстранялся. Вспомнила девушку в гостевой спальне — и собственное желание оказаться на её месте. Сейчас движения Али почти повторяли увиденное.

Он поднялся над ней и вошёл глубоко, одним резким толчком.

На этот раз его тело словно подстроилось под её. Аля чувствовала наполненность, тяжесть, каждое движение внутри. Он двигался мощно, до самого упора, и она уже не могла сдерживать стоны.

Мысль о гостинице мелькнула неожиданно. Его ладонь легла на горло. Аля напряглась, но пальцы не сжались с прежней яростью. Рука удерживала её, слегка затрудняя дыхание, и это прикосновение вплелось в ощущения, которые она уже не успевала разделять.

В голове возникла другая мысль: что, если бы второй мужчина сейчас ласкал её грудь?

Она повернула голову — и увидела рядом его точную копию. Второй склонился над ней, обхватил грудь, принялся ласкать соски губами и пальцами. Первый продолжал двигаться внутри. Алю выгнуло на постели, оргазм прошёл по телу так сильно, что она на несколько секунд перестала понимать, где чьи руки.

Рука на шее сжалась чуть крепче. Толчки стали быстрее. За одной волной удовольствия накатывала следующая, почти не оставляя передышки.

Поза сменилась. Теперь Аля стояла на четвереньках, прогнувшись в пояснице. Один мужчина входил сзади, то замедляя движения, то снова ускоряясь. Второй лежал под ней и ласкал языком её клитор.

Она опустила голову, судорожно вцепилась в постель. Ей хотелось ещё. Стоило ритму хоть немного измениться, она подавалась навстречу, требуя продолжения.

Наслаждение казалось бесконечным. Оно наполняло не только тело — вытесняло усталость, страх, тяжёлые мысли, которые Аля ещё недавно не могла от себя отогнать. И чем больше получала, тем сильнее желала.

Сквозь её стоны прорезался женский голос:

— Хватит! Немедленно перестань!

Мужчина не остановился сразу.

— Ты сейчас отдашь ей всё! Она не выдержит!

Сон оборвался.

Аля открыла глаза. Дыхание ещё не выровнялось, а её уже переполняло нелепое счастье. Усталость исчезла, будто она выспалась на месяц вперёд. Солнце за шторами, знакомая комната, собственные руки на одеяле — всё радовало так, что Аля тихо рассмеялась и тут же замолчала, услышав себя.

Ничего ведь не изменилось. Марк оставался в соседней комнате, в доме распоряжались те двое. Ещё перед этим сном она боялась одного упоминания мужчины, а теперь хотелось распахнуть окна и благодарить весь мир.

— Господи… Что он со мной сделал?

Брюнетки рядом уже не было. Аля поднялась и прошла в ванную. Из зеркала смотрела молодая женщина лет двадцати восьми. Черты остались её собственными, только кожа была глаже, глаза ярче. Даже в этом возрасте Аля не выглядела настолько свежей.

— Мне бы и тридцати хватило. Ты чего так разошёлся?

Грудь стала выше и полнее. Талия — тоньше, линия бёдер — плавнее. Она повернулась боком, потом другим, рассматривая себя с жадным изумлением. Такое тело ей хотелось бы иметь.

Аля подняла подбородок. Следы на шее побледнели, но ещё различались. Эти двое могли сделать её красивее, чем в молодости, и наполнить такой радостью, что собственные беды отступали. Аля помнила гостиницу, но уже понимала, как соблазнительно будет однажды сказать себе, что хорошего стало больше. Отобранные годы хотелось вернуть, а этот подарок — оставить. Улыбка исчезла не сразу.

Одеваясь, она вспомнила вчерашнюю отмену. В доме ночевал только Марк, замены второй гостье она не нашла, однако вместо наказания получила молодость. Что-то в навязанном правиле не сходилось.

Аля повязала платок и спустилась готовить завтрак. Даже о наказании теперь думалось спокойно, и это настораживало не меньше перемен в зеркале.

Марк вошёл на кухню с дорожной сумкой на плече.

— Доброе утро, хозяйка.

— Доброе. Кофе будешь?

— С удовольствием.

Он сел, а Аля, подавая чашку, наконец посмотрела на него. Марк постарел за эту ночь: кожа у глаз стала дряблее, складки на лбу — глубже, в волосах прибавилось седины. Сам он выглядел довольным и отдохнувшим. Вся утренняя радость исчезла, стоило вспомнить, как она разглядывала собственную молодую кожу.

— Алька… Ты изменилась, — сказал он. — Вчера вечером выглядела по-другому.

— Ты почти сутки был в дороге. Мог и не всё разглядеть.

— Да нет, я тебя разглядел.

— Может, свет другой? Здесь утром солнце.

Марк оглянулся на окно.

— Возможно. Наверное, просто вымотался.

Недоумение с его лица не ушло, однако расспрашивать он не стал. Аля ухватилась за разговор о дороге: сегодня ему предстояло проехать большой участок пути. Предложила взять

воды и отвернулась к шкафчику, чтобы хоть ненадолго скрыть смущение. Ночной сон не выходил из головы. Ей не хотелось ни взглядом, ни словом выдать, что она видела то, чего Марк ей не доверял. Он имел право оставить это при себе, даже если здесь с его правами никто не считался.

У двери он поблагодарил за приём и обнял её.

— Береги себя, Аль. Будешь на связи?

— Буду. И ты себя береги.

Аля проводила его и оставалась в прихожей, пока не затих мотор. Вчера она боялась встретиться с Марком, сегодня — запомнить таким.

— Дамочка, нам нужно разобраться с вашими правилами. И скажи наконец, как тебя зовут, — позвала она, подняв голову к потолку.

Брюнетка возникла возле лестницы.

— Меня зовут Азелла. Наконец-то спросила.

— Пока я старела, молодела и развлекала гостей, было не до знакомства. Объясни, Азелла: вчера девушка не приехала. Почему меня не наказали, если вы требовали мужчину и женщину?

— Ты её пригласила, она сама отменила. Твоей вины нет.

— Значит, разница между «не захотела» и «не смогла» у вас всё-таки существует? Очень полезная информация, могла бы сообщить раньше.

— На этот раз нам хватило Марка.

Аля вспомнила её слова о том, чего он пожелает дальше.

— Вам обоим? Он хотел… и с ним тоже?

Азелла усмехнулась, с явным удовольствием наблюдая, как она краснеет. Прямого ответа не дала, но догадки хватило. Расспрашивать о чужих фантазиях Аля не собиралась; ни одна из них не объясняла, почему Марк должен расплачиваться годами жизни.

— Ты поэтому настояла именно на нём?

— Почему я выбрала Марка, я тебе объяснять не собираюсь. Ты спросила, почему тебя не наказали, и получила ответ.

Азелла исчезла. Похоже, им требовалась энергия, а мужчина и женщина были лишь способом её получить. Исключения они разрешали себе сами; хозяйке полагалось узнавать о них после случившегося.

Следующая заявка пришла от двоих мужчин и женщины. Они ехали вместе, искали ночлег до утра и были готовы обойтись без особых удобств. В профиле отправителя Аля нашла фотографию и несколько обычных сведений. После прекрасных отзывов о собственном доме доверять чужому благополучному описанию было трудно, однако выбирать приходилось по нему.

«Свободны две спальни. Если вас устраивает самим решить, кто с кем разместится, могу принять всех троих».

Согласие пришло почти сразу. Аля отправила адрес и договорилась о приезде вечером. Выяснять, кто из них кому приходится, не стала: после Марка ещё меньше хотелось разбираться в чужой личной жизни. Достаточно, чтобы переночевали и ушли.

Она ответила на письма о будущих датах, затем занялась работой. Ещё недавно представляла, как будет жить здесь, гулять, встречаться с друзьями, а теперь день приходилось подстраивать под чужие приезды. Зато работалось неожиданно легко, голова оставалась ясной. И пугало это уже меньше, чем утром. Аля поймала себя на том, что снова любуется отражением, и сердито отвернулась: к молодости привыкалось слишком быстро.

В телефон она записала слова Азеллы, прервавшей сон: «Ты сейчас отдашь ей всё! Она не выдержит!» Добавила, что гостья отменила приезд, но наказания не последовало, а Марк заметил её перемену. Чужие потери для окружающих были скрыты; её молодость оказалась

заметна. Кроме того, мужчину пришлось останавливать даже тогда, когда он собирался наградить её.

К вечеру Аля приготовила комнаты и ужин, оставила телефон в гостиной и открыла окно. Почти сразу к воротам подъехал тёмный автомобиль. Из него вышли двое мужчин лет сорока и женщина. Первый, рослый и широкоплечий, оглядывал дом и двор; второй обернулся к дороге. Женщина заметила Алю в окне и приветливо улыбнулась.

— Добрый вечер. Это вы писали? — спросила Аля, выйдя к воротам.

— Мы. Надеюсь, не слишком рано?

— В самый раз. Проходите.

Один из мужчин пожаловался на долгую дорогу, другой спросил, где оставить машину до утра. Аля показала место и, дождавшись, пока они припаркуются и заберут сумки, открыла дом.

— Как у вас красиво, — сказала женщина в прихожей.

— Только привидений не хватает, — добавил мужчина, разглядывая потолок.

— С ними отдельная договорённость.

Все рассмеялись, и встреча стала похожа на предыдущие: уставшие путешественники, любезная хозяйка, старая шутка о доме с историей. От ужина гости не отказались, но попросили сначала показать комнаты.

Аля взяла ключи и повела их наверх. На площадке второго этажа открыла гостевую, включила свет — и удар в спину бросил её внутрь.

Она едва успела выставить руку. Мужчина схватил её сзади, прижал к себе; возле горла блеснул нож.

— Где деньги, сука? Наличка, золото? Говори быстро.

Второй вошёл следом и прикрыл дверь. Женщина поставила сумку на пол и смотрела с невозмутимым интересом. Аля ещё держала ключи от спальни, которую собиралась им предложить.

— У меня ничего нет. Всё ушло на дом, на ремонт…

— Не пизди, — бросил второй. — В таком доме живёшь и денег нет?

Аля попыталась повернуть голову, но нож прижался сильнее; зацепившийся за лезвие платок съехал. Мужчина толкнул её к кровати. Она упала на матрас, попробовала отползти, однако он перехватил её за ногу и потянул обратно. Ключи выскользнули из руки и звякнули об пол.

— Сейчас вспомнишь.

Он убрал нож от её лица и принялся расстёгивать ремень.

Аля посмотрела на его руки. Поняла раньше, чем он успел сказать.

— Выебу разок — сама всё покажет, — произнёс он, обернувшись к спутникам.

Женщина устроилась на стуле возле стены.

— Давай. Люблю смотреть, как ломают.

Она раздвинула ноги, сдвинула бельё и принялась ласкать себя, не отрывая глаз от кровати.

Аля дёрнулась в сторону. Мужчина навалился коленом на матрас, ухватил её одежду. Второй подошёл к изголовью, расстегнул брюки и начал мастурбировать перед её лицом.

— Не надо!

Она закрылась руками. Попыталась ударить того, кто держал её за ногу, но он только сильнее сжал пальцы.

— Тихо, сука. Лежи.

Аля закричала. Крик больно прошёл через ещё чувствительное горло, сорвался, но она снова набрала воздух. На секунду в голове возникла нелепая мысль: голос слышен на улице? Окно гостиной осталось открытым. Если кто-то проходит мимо ворот…

Мужчина дёрнул ткань её белья. Сверху ударил грохот. Такой силы, что вздрогнула кровать. Со стола упала мелкая вещица, на потолке дрогнула тень люстры. Все замерли.

Потом послышались шаги. Тяжёлые. Медленные. Узнаваемые с первого удара по доскам. Аля перестала кричать.

Она боялась этого звука. Помнила, как ждала его в запертой спальне. Сейчас же всем телом тянулась к нему, желая, чтобы следующий шаг прозвучал ближе.

— Кто там? — рявкнул мужчина у изголовья.

Аля смотрела на дверь.

— Он.

— Какой ещё он?

Ответа не последовало. Мужчина выругался и повысил голос:

— Пусть заходит! Мы и его пристроим. Вон Майя сидит, ждёт, пусть ей отлижет!

Аля перевела на него взгляд. Он действительно не понимал, кого звал.

За дверью скрипнула последняя ступень. Второй нападавший, стоявший у кровати, попытался вернуться к тому, что начал, но его член оставался вялым. Он дёргал его, злился, всё чаще косился в сторону выхода.

— Что за херня…

Дверь вылетела из петель. Дубовая створка ударилась о стену, перекосилась и упала. Мужчина у изголовья отскочил, заслоняясь рукой от щепок.

В проёме стоял чёрный. Огромный, рогатый, едва помещавшийся под притолокой. По смоляной коже стекала прозрачная вязкая влага. Между мощных бёдер высился огромный напряжённый член.

Он посмотрел на мужчин.

— Кто здесь меня звал?

Никто не ответил.

— И кому нужно было отлизать?

Несколько секунд назад они заполняли собой всю комнату. Громкими голосами, руками, движениями, уверенностью в том, что могут сделать с ней что угодно. Теперь оба молчали.

Один медленно опустил руку. Второй застыл у кровати с расстёгнутыми брюками, не решаясь даже прикрыться. Взгляд бегал от рогов к лицу демона и обратно.

Майя продолжала двигать пальцами между ног. Аля услышала её частое дыхание и с отвращением отвернулась. Женщина смотрела на чёрного с жадным возбуждением. Его появление не испугало её так, как спутников, — словно зрелище лишь стало интереснее.

Демон шагнул к ней. Майя шире раздвинула бёдра.

Он опустил руку между её ног, ввёл в неё длинный палец и начал двигать им резко и глубоко. Женщина закричала, выгнулась на стуле. Второй палец вошёл в её анус. Несколько движений — и её тело свело сильным оргазмом.

Она обмякла, соскользнула со стула и потеряла сознание.

— Азелла, — произнёс демон, не повышая голоса.

В комнате и без того было слышно каждое слово.

— Займись ею. Пусть вымотается от собственных желаний. Исполни всё, что захочет.

Аля вспомнила, как легко сбывалась во сне каждая мысль. И голос Азеллы, приказавшей остановиться, потому что она сама могла не выдержать. Теперь остановить, похоже, никто не собирался.

Демон повернулся к мужчинам.

Того, кто нависал над Алей, он сдёрнул с кровати одним движением. Человек отлетел в сторону, выпустив нож. Лезвие звякнуло возле ножки стула.

— А вам пора спать, мальчики.

Один из них открыл рот. Кажется, хотел что-то сказать или попросить, но не успел.

— Быстро.

Аля сползла с матраса, прижимая к себе разорванную одежду.

Мужчины легли на освободившуюся постель. Без спора, без попытки бежать. Будто услышали приказ, который тело выполнило раньше, чем разум понял смысл. Через несколько секунд оба спали.

Аля стояла у стены, не зная, можно ли уйти. Демон повернулся к ней, и она сжалась в ожидании гнева, но ненависти, которую видела во сне, в его взгляде не было. Он смотрел почти тепло, покровительственно. Хотелось поверить, что пришёл ради неё. Заботился или разозлился на тех, кто тронул принадлежащее ему? Сейчас Аля была благодарна уже за то, что он остановил их.

Демон исчез. В комнате остались двое спящих мужчин, женщина на полу и сорванная дверь. Аля подобрала упавшие ключи, переступила через щепки и вышла, держась за стену.

На кухне её ждали приготовленный ужин и три чистые тарелки. Она готовила этим людям еду, проверяла постели, думала, как удобнее разместить их в двух спальнях. От одного взгляда на посуду затошнило.

Аля положила ключи на стол и достала из шкафчика водку. Дрожащие пальцы не сразу справились с пробкой. Она выпила из горлышка, надеясь, что перестанет трясти, но перед глазами по-прежнему стояли кровать, нож и женщина на стуле. А в голове крутилась собственная фраза: «У меня ничего нет». Будто можно было правильно ответить и заставить их отстать.

Демон остановил их — тот самый, от которого она пыталась сбежать в гостиницу. Благодарность никак не делала его безопасным. Аля села и снова отпила. Наверху было тихо.

Позже она принесла телефон из гостиной. Можно было позвонить в полицию и рассказать о нападении: человеческое преступление не требовалось объяснять рогами, снами или чужими годами. Открыв набор номера, Аля посмотрела на потолок. Что произойдёт, если сюда войдут ещё люди и попытаются забрать троих, которыми теперь распоряжается мужчина с чердака? Вспомнилась вылетевшая дверь.

Она так и не нажала вызов. Алкоголь приглушил дрожь, зато движения стали неловкими. Аля закрыла бутылку, убрала еду в холодильник, оставив тарелки на столе, и взяла телефон с собой. По лестнице поднялась, держась за перила. В гостевой зиял тёмный проём; внутри тихо посапывали. Аля прошла мимо, закрылась в своей комнате и уснула прямо в одежде.

Утром во рту пересохло. Платок сбился набок, одежда смялась. Снов Аля не помнила, зато вечер вернулся сразу, стоило окончательно проснуться.

— Блядь… — Она прислушалась. Все трое остались в гостевой, а она спала за стеной от них.

Взяв телефон, Аля вышла в коридор и остановилась: дверь стояла на месте. Вчера створка лежала на полу, теперь даже у замка не было трещины. Аля не слышала и не видела, как её вернули. Дом снова был готов принимать гостей.

Она нажала на ручку и заглянула внутрь. В комнате спали трое. Майя лежала на кровати рядом с мужчинами; все были одеты, сумки стояли у стены. Ножа на полу не было. Аля всмотрелась в лица и осталась на пороге. Каждому можно было дать не меньше восьмидесяти: белые волосы, запавшие губы, глубокие морщины. Узловатые руки покоились на покрывале. Она узнавала вчерашних нападавших и всё равно боялась подойти.

По словам Азеллы, другим они показались бы обычными сорокалетними постояльцами. Аля же видела, как мало у них осталось сил. Стоило одному пошевелить рукой, она отступила и закрыла дверь.

Азелла появилась на кухне, когда Аля готовила кофе.

— Скоро они проснутся и уедут. Вчерашнего вечера никто из них не помнит, на тебя больше не нападут.

— А на других?

— Не успеют. И не вздумай жалеть их, Алька. Ты даже не представляешь, что они собирались с тобой сделать.

— Некоторое представление я получила.

— Ты видела только начало. За ними много таких историй: женщины, мужчины, люди, которые тоже открывали дверь и думали, что встретили кого-то вполне обычного. Ты не знаешь, сколько они сломали. За последнюю сотню лет мне редко попадалась такая гниль.

Азелла говорила без привычной насмешки. В другой день Аля расспросила бы о сотне лет, но сейчас могла думать лишь о людях наверху.

— Сколько им осталось жить?

— Неделю, может, меньше. Для остальных они останутся прежними, но скрыть возраст не значит вернуть потраченную жизнь.

Аля боялась их даже такими. Мысль, что они уедут и никогда не вернутся, приносила облегчение; известие о скорой смерти вызывало совсем другое чувство. Азелла смотрела так, будто от неё ждали только благодарности.

— Я не просила их убивать.

— Они тоже не спросили, чего хочешь ты.

Женщина исчезла. Аля осталась с чашкой в руках, пока на лестнице не скрипнула ступень. Тогда отступила за край кухонного проёма.

Троица спускалась медленно. Один мужчина держался за перила, второй тяжело опирался на стену; последней шла Майя, на лице которой осталась лишь пустая усталость. Сил у них действительно не было, независимо от того, кто мог видеть возраст.

Мужчина поднял на Алю глаза, но только кивнул в знак прощания. Другой подхватил сумку. Майя пробормотала:

— До свидания.

Аля ответила не сразу. Дождалась, пока они выйдут, и подошла к окну: ей нужно было увидеть, как они сядут в машину и уедут. Двигатель завёлся; автомобиль медленно добрался до ворот, остановился перед выездом и покатил дальше. Лишь когда он исчез из виду, она смогла отойти от окна.

На кухонном столе оставались три тарелки для вчерашнего ужина. Аля убрала их в шкаф и подняла глаза к потолку. Дом снова стал тихим, но теперь наверху находился ещё и тот, кто сумел остановить нападавших. Она по-прежнему боялась его и всё сильнее хотела понять, почему он за неё вступился.

Глава 10
Неосторожное желание

Аля поднялась на чердак сама. Впервые никто не звал её и не приказывал идти наверх. Она остановилась перед дверью, вспомнив, как вчера тяжёлые шаги приближались к гостевой, и взялась за ручку. Ей нужно было понять, почему он вмешался.

Под крышей пахло пылью и старым деревом. Сквозь узкое окно падал косой свет, между балками тянулась паутина, а дальние углы скрывала плотная тень. Аля прошла немного вперёд, никого не увидев.

— Я знаю, что ты слышишь. Азелла объяснила, что они собирались со мной сделать. Теперь я хочу понять, почему ты их остановил.

Его голос раздался из темноты:

— Ты принадлежишь мне, Алечка. А я своё берегу.

На секунду Аля ощутила почти облегчение: если он намерен беречь, ей больше не придётся ждать, успеет ли кто-нибудь вмешаться. Потом вспомнилась гостиница.

— Очень избирательно бережёшь. В гостинице я боялась, что ты меня убьёшь, а теперь должна считать тебя защитником? С Азеллой хотя бы можно разговаривать. Иногда она отвечает, а от тебя я до сих пор слышала одни приказы.

Аля ждала, что пожалеет об этих словах, но из темноты донёсся низкий смешок.

— Во сне ты не всегда такая испуганная. Когда я касаюсь тебя, ты очень сильно меня хочешь.

Она давно догадывалась: совпадали голос, глаза, движения, да и Азелла почти не скрывала, кого посылает к ней. Теперь он сам убрал последнее сомнение.

— Значит, это всё время был ты — и когда мне было хорошо, и в гостинице. А теперь ты говоришь о моём желании, будто оно отменяет всё остальное.

— Я был с тобой во всех этих снах, Алечка. И сейчас ты сама пришла ко мне.

Голос прозвучал возле самого уха. Аля обернулась, но за спиной никого не было. Больше не получалось мысленно разделить любовника, которого она желала, и того, кто её душил. Вчера он же вышиб дверь гостевой.

— Ты хоть лицо своё покажешь?

— Иди к себе, ложись в постель. Я хочу тебя видеть.

Голос стал мягче и словно звучал уже внутри. Аля хотела спросить, почему он не выйдет из тени прямо сейчас, но желание увидеть его лицо смешалось со знакомым влечением. Она повернула к лестнице, всё ещё ощущая его присутствие.

В спальне Аля закрыла дверь и оставила телефон на тумбочке. Сняла одежду и платок, легла и прикрыла глаза.

Под ногами была трава. Белые цветы тянулись до самой дальней линии деревьев. Тёплый воздух пах летом. Посреди поляны стояла огромная кровать, застеленная белым шёлком.

Аля посмотрела на неё и невольно подумала, что у местного хозяина представление о необходимых удобствах совершенно не зависит от пейзажа.

За спиной кто-то шевельнулся. Она обернулась.

Он стоял рядом — высокий, сильный, совсем близко. Аля медленно протянула руку. Мужчина принял её пальцы и коснулся губами.

Она подняла глаза. Лицо больше не скрывалось.

На вид ему было около сорока. Густые чёрные волосы, тёмная щетина на подбородке, резкие, уверенные черты. Глубокая складка на лбу, выразительные губы. Его глаза оставались тёмными, но сейчас в них не было ни огня, ни ненависти.

Он смотрел на неё с нежностью. Она не могла отвести глаз. Вот каким он мог быть.

Мужчина шагнул ближе и обнял её. Поцеловал шею, ключицы, спустился губами к груди. Аля положила руки ему на плечи, почувствовала под ладонями тепло кожи и напряжённые мышцы.

Он поднял её. Она обвила ногами его бёдра, и он глубоко вошёл в неё. Аля выдохнула ему в шею, вцепилась в плечи, удерживаясь, хотя его руки держали надёжно.

Он двигался то медленно, давая почувствовать каждый толчок, то ускорялся, и тогда она уже не могла сдержать голос. Оргазмы накатывали один за другим. Аля прижималась к нему, цеплялась пальцами, шептала что-то возле уха и забывала слова сразу после того, как произносила.

На краю сознания оставалось удивительное чувство: она всё ещё может думать.

Она видела его лицо. Чувствовала, как он держит её. Ей было так хорошо, что на мгновение захотелось сохранить это навсегда, получить нечто, что останется после пробуждения.

«Я хочу ребёнка от него».

Мысль возникла целиком, внезапно, без рассуждений о том, что будет завтра.

«Хочу почувствовать, как он наполняет меня своим семенем».

Мужчина напрягся. Он излился в неё с такой силой, что Аля судорожно прижалась к нему. Горячее семя переполняло её, стекало по бёдрам. Он всё ещё держал её на руках, а она задыхалась от последней волны удовольствия, не успевая осознать, что изменилось в его лице. Поле исчезло.

— Алька! Открывай глаза, дура!

Азелла трясла её за плечи. Аля очнулась в собственной постели и попыталась высвободиться.

— Отпусти. Ты мне плечи оторвёшь.

Женщина убрала руки. На её лице не осталось привычной усмешки; злость смешивалась с чем-то похожим на панику.

— Как ты заставила его кончить?

— Я никого не заставляла… — Аля села, прижав к себе простыню, и вспомнила собственную мысль. — Я просто подумала, что хочу ребёнка от него.

Азелла замерла.

— Ты понимала, что спишь, и могла решать, чего хочешь?

— Не всё время об этом думала, но знала, что поляны в моей спальне нет. В прошлый раз тоже подумала о втором мужчине — и он появился. Ты сама говорила, что вы исполняете фантазии. Я решила, так и должно быть.

— Люди обычно не распоряжаются нашими снами, Алька. Они желают, мы видим, чего именно, и воплощаем это. Человек идёт за ощущениями, почти не понимая, что происходит. Я думала, с тобой так же, но ты меняешь сон. Теперь нужно понять, где кончается его воля и начинается твоя. Ты могла пожелать чего-нибудь другого, например оттолкнуть его?

— Наверное, могла. Но в этот раз не хотела. Мне было хорошо, я сама хотела продолжения.

— Прекрасно. А в гостинице почему не приказала ему остановиться?

— Потому что боялась. Я думала только о том, чтобы он перестал. Не знала, что могу что-то изменить, и даже сейчас не понимаю, что умею.

Азелла некоторое время смотрела на неё, затем кивнула.

— Похоже, страх мешает тебе управлять вниманием. Ты ждёшь следующего удара, весь сон становится одной угрозой. Когда страх отступает, ты начинаешь вмешиваться сама. В гостинице ты отдала власть кошмару.

— Я никому ничего не отдавала. Он пришёл и сделал это, а я даже не знала, что могу сопротивляться. И уж точно не приглашала его меня душить.

Азелла поджала губы, но спорить не стала. Теперь, сидя на кровати, Аля могла придумывать, как приказать ему исчезнуть или перенестись в другое место. Тогда она пыталась пережить ещё одну секунду. Но если возможность действительно есть, нужно разобраться в ней.

— Если я могу менять сон, мне нужно научиться этим пользоваться. Как это делается?

— Сначала нужно понять, что ты уже натворила. Ты заставила его сделать то, чего он не собирался делать.

Аля растерялась. До этой минуты случившееся казалось исполнением её желания.

— Ты же говорила, он воплощает фантазии. Вы предупредили меня обо всём, кроме того, что действительно нужно знать.

— Мы не знали, что ты способна на такое! Он за тысячи лет ни разу этого не делал, ни с одной женщиной. А ты просто подумала.

Азелла отвернулась к окну. Аля обхватила себя руками: она не представляла, что её мысль может стать приказом даже для него. Желать близости и распоряжаться чужим телом было не одним и тем же. Эту разницу она слишком хорошо знала по себе.

— Он злится? Поэтому ты меня разбудила?

— «Злится» — мягко сказано. Алька, ты беременна.

Слова словно относились к другой жизни, где были месяцы ожидания, врачи и тесты. Здесь после сна прошло всего несколько минут. Аля положила ладонь на живот поверх простыни, но ничего необычного не почувствовала.

— Откуда ты знаешь? Ты же сама только что ничего не понимала. Я была с ним во сне, а теперь, по-твоему, жду ребёнка?

— Я не понимаю, как это получилось, но ребёнка чувствую прекрасно. Ты уже видела, что после наших снов остаются вполне настоящие следы. Синяки не исчезли, когда ты проснулась. Теперь будем разбираться, как нянчить того, кого ты пожелала.

Аля невольно посмотрела на платок, снятый перед сном. Возразить было нечем. Сверху раздался гул, дрогнула люстра, в оконной раме звякнуло стекло.

— Это он?

Азелла не ответила. Гул повторился, ниже и тяжелее, словно дому стало тесно от заключённой в нём силы.

— Я пойду к врачу, — выговорила Аля. — Я не готова. Сделаю аборт.

— Ты думаешь, это обычная беременность? Я уже чувствую вокруг неё защиту. Человеческим врачам с ней не справиться.

— Ты не можешь решать за меня.

— Я сейчас пытаюсь понять, как ты вообще осталась жива и зачала от высшего демона. Мы даже не знаем, с чем столкнулись.

Аля не могла отделить объяснение от очередного запрета. Сначала ей не позволили уйти из дома, теперь — распорядиться собственным телом. От каждого нового ответа возможностей становилось меньше.

— Это девочка, — сказала Азелла.

Аля посмотрела на ладонь, лежавшую поверх живота. До этих слов в голове было только пугающее «беременность», теперь появилась дочь. Она успела захотеть ребёнка во сне, не подумав о том, что будет дальше. Радоваться мешал страх, но руку она не убрала.

— Оставайся здесь, — продолжила Азелла. — Я пойду к нему, попробую выяснить, что происходит.

— Он потом придёт сюда? Азелла, я не знала, что это возможно. Я думала, что просто сплю, а теперь он готов разнести дом.

— Сначала я с ним поговорю. Мы тоже не знали, что ты можешь пожелать ребёнка и тут же забеременеть. Мне нужно выяснить, что произошло, а тебе я пока ничего обещать не могу.

Она исчезла. Наверху вскоре затихло, но Аля не знала, успокоился ли мужчина или Азелла просто оградила спальню от шума. Девочка пока существовала лишь в её словах: под простынёй оставался прежний плоский живот.

Аля взяла телефон с тумбочки и открыла переписку с Линой. Хотелось услышать человеческое «как ты?» вместо приказов и объяснений очередных последствий. Она набрала: «Ты можешь поговорить?» — и задержала палец над экраном. Что скажет подруге? Что пожелала ребёнка во сне, а теперь его отец сотрясает дом, потому что отцом становиться не собирался? Аля стёрла сообщение. Сначала нужно самой хоть что-то понять.

Пришло уведомление о заявке на ночлег. Мужчина и женщина искали комнату, словно в её жизни ничего не случилось. Аля проверила профиль и прежние отзывы. На фотографии оба улыбались; вчерашняя троица тоже улыбалась, входя в дом.

Хотелось закрыть объявления, почту, двери и сказать, что на сегодня хватит. Но условие никто не отменял, а последствия прошлого отказа она помнила. Аля подтвердила, что комната свободна, уточнила время приезда и отправила адрес. На этот раз не написала, что будет рада.

Она оделась, умылась и взяла телефон с собой. На лестнице пришлось остановиться: несколько ступеней — и дыхание сбилось, как после подъёма в гору. До кухни Аля добралась с трудом и опустилась на стул. Ещё вчера носила бельё и готовила почти без усталости, а теперь не представляла, как поднимется за грязными полотенцами. Руки дрожали.

— Азелла, мне нужна помощь. Я едва до кухни дошла, а сегодня приедут гости. Комнаты нужно подготовить, но я сейчас на лестницу посмотрю и лягу прямо на ступеньки.

Женщина возникла у двери.

Азелла оглядела её и задержала взгляд на животе.

— Не строй из себя героиню. Вызови клининг, пусть приедут и уберут. На постоянной основе найми домработницу, ты же не в дремучем лесу живёшь.

После разговоров о снах и высших демонах совет прозвучал почти оскорбительно разумно.

— Спасибо. Вот этого мне как раз не хватало — отдела кадров в проклятом доме.

— Зато бельё перестанешь таскать сама. А о твоём состоянии я поговорю с Ситри: вид у тебя паршивый.

— Так его зовут? Ты хоть расскажи, кто он, пока я снова не узнала о нём что-нибудь на собственной шкуре.

— Он князь Ада и повелитель страсти, Алька. Ты зачала от высшего демона.

Теперь у него было лицо, имя и, если Азелла права, ребёнок. Знакомство развивалось в совершенно неправильном порядке.

— О таком предупреждают до беременности, Азелла. Почему я должна вытягивать из тебя каждое слово?

— Я не рассчитывала, что ты умудришься забеременеть.

— Я, представь себе, тоже.

Азелла на секунду сжала пальцы.

— Его отец — Люцифер. Да, тот самый; другого в нашей семье не держат.

Аля закрыла глаза. На столе стояла чашка недопитого кофе, у стены шуршал хомяк. Приходилось всерьёз обсуждать внучку Люцифера на собственной кухне, где всё выглядело по-прежнему. Опасные жильцы вдруг оказались частью мира со своей властью и порядками.

— Господи, а что будет, если он узнает о ребёнке? Мне и его сына хватает.

— Не уверена, что ты выбрала удачный адрес для молитвы. Сначала нам самим нужно понять, как это случилось: обычная смертная не должна вынашивать его внучку.

— Ты всё время говоришь «не должна», а я, судя по всему, уже вынашиваю.

— Поэтому и сиди дома, пока мы не разберёмся. Здесь твою ауру труднее заметить, дом её скрывает от Люцифера и от любого, кто почувствует то, что растёт внутри тебя. Снаружи такой защиты нет.

Азелла сама была встревожена, но новый запрет от этого не становился легче. Меньше чем за день Аля узнала, что ждёт внучку Люцифера и должна прятаться в доме.

— Хорошо, с клинингом я разберусь. Но не могу бесконечно оплачивать уборку, рабочих и продукты для гостей. Ремонт ещё не закончен. Кстати, где рабочие? Их несколько дней нет.

— Я отозвала, они мешали. Завтра придёт большая бригада, закончат быстрее.

— А мне почему не сказала? Я слушала объяснения про другие объекты, сроки и материалы, а ты просто убрала рабочих из моего дома. Теперь я должна ждать новую бригаду и даже не спрашивать, что здесь решаю?

— Ты по-прежнему выбираешь, какую мебель покупать, что есть и кого нанять. Со строителями я уже решила: завтра ремонт продолжится.

— То есть хозяева здесь вы, а я могу выбрать обивку дивана. Роскошную свободу ты мне оставила.

— Открой банк, — велела Азелла, кивнув на телефон.

Аля вошла в приложение. На счёте было триста восемьдесят тысяч евро. Она обновила страницу, затем открыла движения по счёту. Двадцать семь тысяч со скачек уже поступили, но остальное не объяснялось ничем, что она успела заработать или продать.

— Выигрыш пришёл, но он не объясняет такой суммы. Откуда остальные деньги?

— Деньги у тебя на расходы. Откуда они взялись, я сейчас объяснять не буду. Тебе важнее не упасть со стула; разбираться с переводами будешь, когда сможешь нормально стоять.

Даже без непонятной прибавки выигрыш позволял оплатить уборку и помощь по дому. Но взгляд всё равно возвращался к балансу.

— И на хрена мне такая сумма, если я носа из дома высунуть не могу?

— Интернет перед тобой. Закажи хоть слона в бриллиантах, только объясни курьеру, чтобы в калитку не заталкивал.

— На чердак доставку оформлю, — усмехнулась Аля.

— Тогда бери двух, чтобы тебе скучно не было подбирать нам гостей.

Улыбка исчезла. Азелла заметила это и заговорила уже деловито:

— Звони в клининг. Я поговорю с Ситри о твоём состоянии.

Она исчезла, так и не рассказав, чем закончился их первый разговор.

Аля обзвонила три местные службы уборки. В первой предложили ждать несколько дней, во второй обещали уточнить, третья могла прислать бригаду примерно через час, после другого заказа. Аля назвала адрес и перечислила, что требуется: две гостевые спальни, ванная, кухня и общая уборка. На такой объём пообещали пять человек. Она записала стоимость и время, затем сохранила контакт агентства по подбору домработниц. На ещё один разговор сил не осталось.

Аля положила телефон на стол и сидела, прижав ладонь к животу, когда возле уха прошёл холодок. Обернувшись, увидела Ситри. Чёрные волосы, щетина, складка на лбу — тот самый мужчина с поляны, только теперь за его плечом была дверца кухонного шкафа, а под её ладонью — настоящее дерево стола. Она не спала.

Ситри протянул руку.

Она вложила в неё пальцы. Он поцеловал их, не отрывая от неё взгляда, и притянул ближе.

От тепла его ладони по коже прошла дрожь.

Аля поднялась со стула. Он подхватил её и усадил на край стола, развёл колени. Пальцы сдвинули в сторону бельё и коснулись её между ног.

Желание пришло быстро, заставив забыть о слабости ещё до того, как та начала отступать.

Два пальца вошли внутрь. Аля резко вдохнула, ухватилась за его руку. Ситри медленно вынул пальцы, поднёс к лицу, вдохнул её запах. Потом облизал их, глядя ей в глаза.

Он придвинулся ближе и освободил член из брюк. Провёл головкой вдоль её влажной плоти и вошёл глубоко, на всю длину.

Аля оперлась руками о стол, запрокинула голову.

Ситри двигался размеренно, с каждым толчком постепенно увеличивая темп. Она чувствовала его в себе — и почти сразу заметила, что руки больше не дрожат от бессилия. Дыхание сбивалось уже по другой причине. Тяжесть в мышцах исчезала.

Он ускорился.

Когда Аля кончила и сжалась вокруг него, Ситри наклонился к её лицу. Его губы коснулись её рта. На мгновение между ними вспыхнуло мягкое серебристое сияние.

Внутрь словно вошёл поток силы.

Аля вдохнула его вместе с воздухом. Тело наполнилось лёгкостью, следом пришёл ещё один оргазм, затем следующий. Она держалась за Ситри, уже не заботясь о том, какие звуки издаёт.

Он содрогнулся и излился в неё. Горячая волна разошлась внутри, смешавшись с ощущением силы, которое она не могла объяснить.

Ситри остановился не сразу. Потом медленно вышел, коснулся губами её виска.

— Пока будешь чувствовать себя хорошо.

Аля открыла глаза. Пока. Она успела услышать это слово сквозь остаточное удовольствие.

— А потом?

Он посмотрел на неё, задержал ладонь у её талии.

— Посмотрим.

И исчез.

Аля осталась сидеть на столе рядом с телефоном. За окном проехала машина, в клетке зашуршал хомяк. Всё произошло на её кухне, посреди дня. Поправив одежду, она спустилась на пол и прошлась по комнате: слабость ушла. Но если ребёнок снова отнимет силы, придётся ждать помощи Ситри, а он даже не сказал, надолго ли её хватит.

До приезда людей Аля успела переодеться и привести кухню в порядок. Бригада прибыла в обещанное время: пятеро с оборудованием и средствами для уборки. Она провела их по комнатам, объясняя, что нужно сделать, и задержалась у гостевой. Вчера здесь стоял человек с ножом, теперь работница осматривала ручку двери. Щепок не осталось, стена за створкой тоже была целой.

— У двери тоже протереть? — спросила работница. Аля кивнула.

Аля оставила их работать и спустилась. Шум воды, пылесосов и передвигаемой мебели успокаивал: наконец у посторонних в доме было понятное занятие. Она принесла ноутбук в гостиную, села заказывать продукты и готовую еду на несколько дней. Стоять у плиты сегодня не хотелось.

В каталоге мебели сначала выбирала необходимое: рабочее кресло, вещи в гостевые, всё, что откладывала из-за ремонта. Потом заметила, что уже рассматривает дорогую технику и сравнивает оттенки обивки. Деньги слишком быстро меняли то, что она себе позволяла. Аля пересмотрела корзину, оставив нужное. Скупить всё подряд потому, что Азелла велела не думать о расходах, означало бы опять принять чужую подсказку за собственное решение.

На странице с детскими вещами она задержалась. Маленькая кроватка заставила представить девочку, которой однажды понадобится место для сна. Прежде Аля слушала об ауре ребёнка и ярости Ситри, теперь думала о том, как будет укладывать дочь. Среди страха появи-

лось новое, ещё непривычное чувство: Аля не хотела, чтобы за её дочь здесь тоже решали все подряд.

Она сохранила страницу в закладки, но заказывать не стала. Не знала даже срока беременности. Девять месяцев были единственным знакомым вариантом, однако после сегодняшнего на привычное полагаться не получалось. Об этом ещё предстояло спросить Азеллу.

Уборку закончили к вечеру. Аля проверила комнаты, расплатилась и попросила оставить контакты, уточнив возможность регулярной помощи. После ухода бригады дом казался таким чистым, словно вчерашнего нападения не было. Она проверила воду у хомяка и вернулась к заказам.

Позже позвонили гости: будут через пять минут. Аля закрыла ноутбук и взяла телефон с собой. Вчерашний толчок в спину помнился слишком хорошо, чтобы спокойно идти открывать дверь.

Пара приехала вовремя. Мужчина достал сумку, женщина извинилась за поздний звонок. Аля ответила, что ждала их, и повела наверх, прислушиваясь к шагам за спиной. Гости всего лишь переговаривались вполголоса, но у двери она всё равно отступила, пропуская их первыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.